

Наш край

**Литературно-краеведческий
альманах**

№ 2

**пос. Струги Красные
2009**

Дорогие друзья!

Вы держите в руках второй номер литературно-краеведческого альманаха «Наш край».

Это некоммерческое, периодическое, научно-популярное издание муниципального учреждения «Струго-Красненская центральная районная библиотека».

Второй номер альманаха вышел в юбилейный год для нашего района – в 65 годовщину освобождения района от фашистских захватчиков. Немного осталось свидетелей тех лет, а ещё меньше – участников. Тем ценнее воспоминания людей, перенёсших годы лихолетья на своих плечах.

На Струго-Красненскую землю война пришла 7 июля 1941 года, в этот день на железнодорожном переезде «257 км» фашистская авиация провела бомбардировку воинского эшелона 474-го запасного артиллерийского полка войск ПВО. И потянулись дни оккупации. На территории района действовали 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я партизанские бригады. С 8 февраля 1944 года начинается освобождение района 168, 268, 224, 291, 326, 46, 72, 86, 18 стрелковыми дивизиями, 53-й гвардейской стрелковой дивизией, 79 укрепрайоном. 28 февраля 1944 года район был полностью освобождён.

С Днём Победы, дорогие друзья!!!

*Иванова И.Е.,
автор идеи и составитель
литературно-краеведческого альманаха «Наш
край»*

НАШ КРАЙ

Литературно-краеведческий альманах

№ 2

пос. Струги Красные
2009

ББК 63.3(Рос31–4Пск)
НЗ7

«Наш край». Литературно-краеведческий альманах. – Псков:
Издательство АНО «ЛОГОС», 2009. – 84 с.

© Иванова И.Е.

Фёдоров А.И.

БРАТСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ДЕРЕВНЕ ОСТРОВ

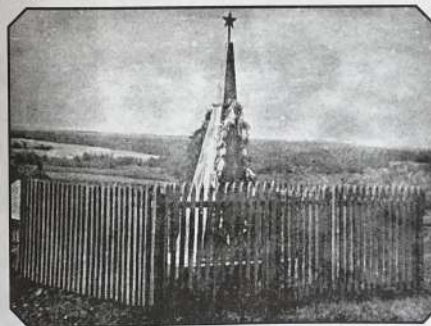
Деревня Остров расположена на севере Струго-Красненского района, примерно в 42-х километрах от районного центра. Между деревнями Юхново и Остров расположены шесть озёр – Юхновское, Болдыревское, Желянское, Круглое, Кривое и Маяково. С противоположной стороны деревни протекает река Люта. С двух других сторон расположены болота. Сама деревня находится на возвышенности.

Деревня Остров упоминается с 1498 года в Новгородских писцовых книгах как относящаяся к Быстревскому погосту. В 1899 году принадлежит Гдовскому уезду Узьминской волости. В 1940–1950-х годах – колхоз «Красный Остров» Стругокрасненского района.

Название деревни «Остров» означает по Владимиру Дало «земля, окружённая водою», «Словарь русского языка» предлагает ещё два понятия – это «участок, выделяющийся чем-либо среди окружающей его местности» и «небольшой, отдельно стоящий лес», а С.Е. Мельников предлагает ещё один вариант – «возвышенность, холм среди равнины или болота».

Сейчас здесь проживают 12 человек. Когда-то это была большая процветающая деревня, в ней находились ферма, школа с 2-мя учителями, мельница, кузница. В 1948 году числились 83 хозяйства и 231 житель, в 1950-м году – 81 хозяйство и 267 жителей, в 1965 году – 46 хозяйств и 105 жителей, а в 1975 году – 28 хозяйств и 52 жителя. Самыми популярными праздниками были Иван (7 июля), Никола зимний (19 декабря) и Пасха. На Пасху в деревне собиралось так много людей, что её называли Китайской Пасхой.

Великая Отечественная война принесла много бед на нашу землю.

Это было осенью 1942 года. После боёв с фашистами в районе Радловского озера в наши края передислоцировался отряд капитана А.И.Трубашева в количестве 150 человек. Чтобы укрыться, отряду пришлось расредоточиться на более мелкие группы. Каратели буквально шли по их следам, устраивая засады. Одна из таких групп остановилась на хуторе Ликахи отдохнуть. Но нашёлся предатель, который донёс карателям. Хутор был окружён. Захваченные врасплох партизаны попали под огонь пулемётов. Немногом удалось вырваться. Убитых побросали в подвал какого-то строения и забросали землёй. Хозяин хутора Алексей Никандрович Федоров скрылся, а его супругу Варвару Алексеевну с одиннадцатью детьми заперли в подвале собственной избы. Но хутор не сожгли.

В 1992 году в Райвоенкомат обратился с письмом житель деревни Сиконицы Фёдоров Пётр Алексеевич, в котором он рассказал о захоронении партизан на хуторе Ликахи близ деревни Сиконицы, письмо передали в поисковый отряд. Пётр Алексеевич показал место захоронения. После экспертизы останков семи человек было принято решение о перезахоронении в братскую могилу деревни Остров (фото первого памятника вверху, памятник на фото 1992 года слева).

Останки семерых были перезахоронены в 1992 году в братскую могилу деревни Остров (фото перезахоронения внизу).

После перезахоронения ко мне обратились пожилые женщины, жительницы деревни Остров с сообщением, что за деревней находится захоронение советских солдат с 1944 года.

В 1996 году поисковому отряду место захоронения показал Савельев Иван Васильевич. Из его воспоминаний стало известно, что в феврале 1944 года в деревне Остров располагался военный госпиталь. Умерших в нём бойцов Красной Армии хоронили прямо за деревенской околицей. В начале пятидесятых годов, согласно официальным документам, эту могилу перенесли на новое место, ныне известное как Островское братское захоронение. Однако Иван Васильевич утверждал, что когда вскрыли могилу, трупы нашли ещё не до конца разложившимися, их тревожить не решились, а на новое место перенесли в буквальном смысле несколько костей. Двадцать два похороненных там, по воспоминаниям Савельева, бойца продолжали лежать за деревней в никак не отмеченной могиле.

Сделав несколько пробных копов, члены группы «Понек» были убеждены в том, что костей там действительно очень много.

Из воспоминаний Зинаиды Васильевны Степановой: «Мы с родителями жили в деревне Остров. Там, где сейчас установлен памятник, до войны была наша постройка. Осенью 42-го года немецкие самолёты бомбили деревню, в результате чего сгорели 25 домов, в их числе и наш. После пожара мы переселились на окраину Острова, к бабушке.

Когда в 1944 году бойцы Красной Армии освобождали окрестные деревни, около Узьмина был бой. В нашей деревне развернулся военный госпиталь (дом, в котором он был расположен, цел по сей день). От ран в госпитале скончались 23 бойца. Солдаты хотели похоронить на нашем пепелище, но моя мать сказала это не разрешила. Сказала, что после войны мы вновь отстроимся и будем жить на прежнем месте. Тогда, помню, к вечеру пришли к нам

двое старых солдат и спросили у отца, где лучше похоронить погибших. Не знаю почему, но отец посоветовал у Черной горы. Так и сделали.

После войны отстроиться нам так и не удалось, отец работал бригадиром и очень болел. В 50-х годах было решено перенести останки солдат, захороненных у Черной горы, на облюбованное прежде место нашего пепелища, но перенесли останков очень мало».

В 1998 году останки умерших в госпитале красноармейцев были перенесены в братскую могилу деревни Остров.

Очень важно было установить, кто же лежит в этой могиле? И это удалось сделать в 2008 году, когда были найдены списки боевых потерь. На интернетовском сайте OVD-Memorial.ru был обнаружен «Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 168-й стрелковой дивизии с 10 февраля по 1 апреля 1944 года». В этом документе – имена умерших от ран в феврале 1944 года, поданные в штаб дивизии командиром 216-го медико-санитарного батальона 168-й СД.

Сейчас установлено 21 имя:

рядовой	Аманов Гульди	1906	14.02.1944
рядовой	Боев Иван Сергеевич	1925	23.02.1944
сержант	Васильев Иван Иванович	1909	13.02.1944
сержант	Верба Василий Семёнович	1914	11.02.1944
партизан	Гурбатено Афанасий Ильич	1906	13.02.1944
сержант	Демидов Андрей Афанасьевич	1918	10.02.1944
рядовой	Ерёмин Степан Николаевич	1912	17.02.1944
рядовой	Кашикин Александр Фёдорович	1912	11.02.1944
рядовой	Королев Михаил Дмитриевич		14.02.1944
рядовой	Кулаков Александр Иванович		17.02.1944
рядовой	Лебедев Андрей Георгиевич	1903	13.02.1944
ст.	Мионов Александр Кузьмич	1912	13.02.1944
сержант	Морозов Леонид Алексеевич	1925	13.02.1944
рядовой	Пономарев Иван Кириллович	1906	12.02.1944
рядовой	Смулов Трифон Евгеньевич	1900	13.02.1944
сержант	Стручков Александр Анисимович	1920	13.02.1944
рядовой	Суслин Иван Григорьевич	1912	21.02.1944
старшина	Тимофеев Владимир Гаврилович	1915	13.02.1944
сержант	Фариосов Александр Степанович	1908	14.02.1944
рядовой	Шариков Иван Тихонович	1925	24.02.1944
сержант	Шолов Василий Васильевич	1906	10.02.1944
партизан	Неизвестен	-	12.1942
партизан	Неизвестен	-	12.1942
партизан	Неизвестен	-	12.1942
партизан	Неизвестен	-	12.1942
партизан	Неизвестен	-	12.1942
партизан	Неизвестен	-	12.1942
партизан	Неизвестен	-	12.1942

Литература:

- Афанасьев Е. «Никого не забыть!»//Струги-1992-11 июля.
- Герасимова Л. «И тайны земли открываются»//Струги-2002-6 ноября. – С. 2.
- Герасимова Л. «История одного захоронения»//Струги-2008-7 мая.
- Даль В. «Толковый словарь» Т2-М.: Рус. яз., 1989. – С. 707.
- Евсеев С. «В братскую могилу»//Струги-1998-май.
- Книга памяти. Т.8. – Псков, 1994. – С. 360.
- Мельников С.Е. «О чем говорят географические названия». – Л., 1984. – С. 128-129.
- Словарь русского языка. Т.2. – М.: Рус.яз., 1986. – С. 657.
- Федоров М. «Тайны братского захоронения»//Струги-1996-23 октября.
- Федоров М. «Тайны братского захоронения»//Струги-1996-2 октября. – С. 1,2.

Иванов М. Ф.

ОНИ ОСВОБОЖДАЛИ СТРУГИ КРАСНЫЕ

*К 65-летию освобождения Струги Красных
от фашистских захватчиков*

Алексей Михайлович Глазунов

На встрече ветеранов 46-й Лужской стрелковой ордена Суворова 3-й степени дивизии в Ленинграде я увидел высокого мужчину с округлой головой, с блестящей лысиной и живыми глазами на почти детском чистом лице, выражавшем спокойную озабоченность при установке аппаратуры для озвучивания зала микрофоном. Я подумал, что он преподаватель физики, к услугам которых часто прибегали устроители ветеранских встреч. После выхода моих воспоминаний о боевом пути дивизии на очередной встрече он подошёл ко мне и с искренним восторгом сказал:

— Я прочитал вашу книгу с большим интересом и понял, что мы с вами не один раз встречались во время войны, когда вы приходили на пункт сбора донесений — ПСД, где я, будучи связистом, часто дежурил. Конечно, я не запомнил вас — много связных приходило из рот — но то, что видел не один раз — убеждён. Особенно помнится случай, когда на острове Рюген подполковник Мельников отобрал у солдат трактор, на котором, как вы пишете, сжали вместе с другими бойцами. Я тогда был при штабе полка. Да и все остальные бои происходили на наших глазах, мы их тоже пережили, как и вы, с большими потерями друзей.

— Спасибо за внимание к моей книге. Да, я ходил в ПСД не только с донесениями, но и с письмами от солдат, получал для них письма от родственников и друзей и, конечно, видел вас, но не запомнил. Знал сержанта Измакова — топографа, помначштаба капитана Николаева, а с остальными не довелось близко соприкасаться.

В дальнейшем мы стали общаться на ветеранских майских торжествах чаще, особенно после знакомства с Председателем Совета ветеранов Василием Яковлевичем Тихоновым, сменившим несколько самолюбивого и высокомерного брата известного артиста Стрижельчика, тоже Стрижельчика, некогда служившего где-то в нашей дивизии. Василий Яковлевич звал моего нового знакомого Лёхой-большим, дабы отличить его от Лёхи-маленького. Я узнал, что Алексей Михайлович Глазунов участвовал в боях по освобождению Исковщины, сообщил об этом в районные Советы ветеранов войны, после чего их стали приглашать на торжества в Плюсу, Струги Красные и Стремутку. Я пригласил их и к себе в гости, побывал у них в гостях на Омской улице и Проспекте Науки, познакомился с его сестрой Людмилой Кисель, автором кни-

ги «Горелово и его окрестности», попросил рассказать их обоих о себе. Алексей Михайлович — человек удивительно скромный, отзывчивый и добрый, как, видимо, и все, кто всю жизнь трудился, что называется, не покладая рук. Он пишет:

«Я родился 9 февраля 1924 года в посёлке Парголово под Ленинградом. Сейчас он входит в Выборгский район города. В 1936 году окончил 7 классов, а в апреле следующего года отец попросил своего знакомого Михаила Ивановича, кадрового рабочего завода киноаппаратуры (Кинап), взять меня учеником токаря, где я стал работать в цехе точной механики. Позднее перевели в спешке для изготовления деталей для авиационного завода. Перед началом войны приходилось стоять у станка по 12 часов с перерывом на обед все шесть дней недели с четырьмя выходными в месяц: видимо, этого требовала сложная предвоенная обстановка.»

С 21-го на 22 июня я работал в ночную смену. Утром мастер сказал, что в городе объявлено угрожающее положение, что особенно-то и не встревожило нас — тревоги, учения МПВО, проводились и ранее — лег спокойно спать, но мама разбудила, сказав, что началась война — послушал выступление Молотова. На следующий день над Ленинградом на большой высоте летали немецкие самолёты-разведчики, объявили первую воздушную тревогу. Один самолёт был сбит. Теперь-то знаю, что в последующие дни немецкие самолёты 127 раз пытались прорваться к городу. Самый массированный налёт был 8-го сентября. Они сбросили 6300 зажигательных и 48 фугасных бомб. Пострадали 178 домов, в том числе Бадаевские продовольственные склады. Они сгорели. Налёты и обстрелы продолжались до января 1944 года.

Наш завод хотели эвакуировать в Самарканд, но кольцо блокады замкнулось. Пока была электроэнергия — завод работал. При наступлении холодов в цехе поставили 200-литровую железную бочку-печь и обогревались от неё. Не было дня и ночи без воздушных тревог с бомбёжками и обстрелами, но на наше счастье Парголово находилось вне главного удара — лишь изредка прилетали финские самолёты, и наш домик, построенный в 1880 году, расположенный на склоне холма, оставался невредимым. Наличие земельного, пусть песчаного, приусадебного участка в какой-то мере помогало преодолевать голод, хотя я не понимаю своих родителей, как они не могли предусмотреть возможность голода, когда уже в начале войны продовольствия стало не хватать, а вокруг посёлка были совхозные поля, с которых и после уборки можно было накопать картошки, моркови или хотя бы хрена от капусты, тем более что от сильных морозов 1939-40-х годов наш сад вымерз, и участок можно было бы использовать для посадки овощей, а вместо этого отец занимался цветами как любитель. Видимо, они поверили распространённому тогда мнению, что война будет недолгой, с «могучим ударом». Мама рассказывала, что в голодные 1920-21 годы они ходили в соседнюю деревню и выменивали на ведро или посуду картошку, жмых и овёс.

Спасли нас (родителей, меня с сестрёнкой и племянником), в какой-то мере, не использованные для окраски дома 35 литров олифы, картошка, обменная на вещи у соседки, выращивавших на огороде овощи, да по старой дружбе друзья детства иногда делились с нами картошкой. Надеяться на снабжение по карточкам не приходилось – папа, мама и племянник, ему было 5 лет, получали по 125 «блокадных грамм, с огнём и кровью пополам». Самыми тяжёлыми были ноябрь и декабрь 41 года. Отец тогда работал на заводе «Красный Выборжец», сестра, она старше меня, тоже получала продукты как служащая. Я получал рабочую карточку на 250 граммов хлеба. Но какой это был хлеб!!! С января 42 года продовольственное снабжение немного улучшилось благодаря «Дороге жизни» через Ладожское озеро.

В одной из комнат отец поставил печку – «буржуйку». От неё согревались, кипятили чай, если его можно было назвать чаем, варили блокадный суп, когда выдавали что-либо по карточкам – выжимки из сои или шпроты, но в городе было ещё тяжелее. Зимой завод не работал, мне дали больничный. Весной стало полегче, но зимнее голодание сказало, очень ослаб.

Пошли поезда. С апреля завод заработал на нужды обороны, и я стал ездить на работу, где в столовой по талонам от карточек давали тарелку жидкого супа. Не будешь работать – ничего не получишь. В цехе осталось 7 токарей. Станочникам в качестве премии выдавали по полкилограмма столярного клея. Из него варили студень.

Наконец появилась зелень: крапива, лебеда, травы – мама использовала их для приготовления лепёшек.

В августе завод через Ладогу стали эвакуировать в Самарканд, и я уволился – не мог оставить родителей без присмотра, а 15-го призвали в армию с предварительной допризывной подготовкой при военкомате. Определели в ташковское училище, но комиссия забрала по состоянию здоровья, и через распределительный пункт определили в 78-й запасной полк. Через месяц занятий, убедившись, что такие солдаты, как я, не могут удерживать в руках винтовку, а тем более ползать по-пластунски (с трудом сначала на четверенках и лишь потом вставали на ноги), отправили в Ленинград в выдвораивающий батальон, где служили в основном на кухне, посещали политзанятия, стрельбы и строевую подготовку. Чуть поукрепили – через распределительный пункт, в который и ты, Михаил Фёдорович, позднее попал, в конце октября нас (33 человека) направили в 46-ю стрелковую дивизию, куда ехали уже на трамвае, который с апреля 42 года, несмотря на блокаду, обстрелы, уже ходил по городу. От Ржевки до деревни Самарка шли пешком. Здесь я попал в 314-й полк во введ связи первого батальона к капитану И. С. Зенину. Начальником штаба был старший лейтенант Д. Ф. Николаев. Моя обязанность – обеспечивать бесперебойной связью командира батальона с ротами. Бомбёжка и обстрелы нарушали связь – приходилось бегать на линию по проводу и восстанавливать обрывы. Дежурил и на коммутаторе. Это был отдых. Ди-

визию направили на передний край от посёлка имени Морозова до Невской Дубровки, причём один батальон вместе с приданными моряками оборонял крепость «Орешек» с задачей не допустить форсирования немцами Невы с левого берега на правый. В этих боях участвовал и 340-й полк.

В конце января 1943 года дивизию перебросили на левый берег Невы. Началось наступление 23 февраля с попыткой прорвать блокаду со стороны Мги. Немцы оборонялись, находясь на возвышенности, мы – со стороны болот между Усть-Тосно и Красным Бором и на Ивановском пятачке. Успеха не получилось, атаки захлебнулись. Пришлось обороняться до конца 1943 года, неся огромные потери, в том числе погиб командир полка майор Гарицкий. Нас отвели в Усть-Ижору, выдали шубы, валенки, новые автоматы, и 14 января 1944 года из района Ориенбаума, а с 15 января и от Пулковских высот, началось наступление 2-й Ударной и 42-й армий по снятию блокады города. Мы начали бой 15-го января – до этого находились во втором эшелоне в связи с длительным нахождением на обороне под Красным Бором – и первым городом на нашем пути стал Павловск.

Помню горящий с одного крыла павловский дворец, но к нему невозможно было подступиться, да это и не входило в нашу задачу, к тому же немцы оставили во дворце много боеприпасов, которые начали рваться. В парке видел большое немецкое кладбище. Видно, здесь хоронили всех погибших под Ленинградом их солдат. Гатчинский дворец тоже был сожжён. Мы уже дошли до Елизаветино, когда получили приказ наступать на Лугу, а точнее – в обход её. Шли по лесным дорогам. В районе пос. Чёрное и Калитино наша авиация и артиллерия разгромили большую колонну отступающих фашистов. На поле боя осталось много техники. Пехота завершила разгром. С боями освободили Осьюмино, Сара-Гору, Волопово, Островно и другие деревни. Спасибо партизанам. Здесь мы встретились с их 6-й и 9-й бригадами. Они с ходу влились в нашу дивизию и вместе с нами освобождали посёлки Плосса, Струги-Красные. До Пскова не дошли: наступила распутица, дороги раскисли, прекратилась нормальная доставка боеприпасов и продовольствия – подвозили вышками на лошадях – Псков взять не удалось. Мы заняли Карамышево. Здесь я шёл с ротой первого батальона. Если память не изменяет (прошло 63 года!), сильный бой шёл за деревню Родионова Горушка, окружённую берёзами. Немцы отошли, но оставили факельщиков. Они поджигали дома. Дорога, помнится, поднималась в гору. Чуть в стороне виднелась старая техника бывшей МТС. Мы увидели поджигающих постройки немцев и начали по ним стрелять, а когда они стали убегать – мы бросились к домам и стали снегом гасить пламя. К нашему счастью, возгорание было небольшим – удалось потасить. Я вскочил на веранду окрашенного в голубой цвет дома и увидел, как пламя облизывает часть пола и стену. Один я вряд ли смог бы справиться с огнём, но тут подбежали другие солдаты, и мы сумели снегом потасить пожар, тем самым

спасли дерево от уничтожения. Тем она и запомнилась. Под Стремуктой заняли оборону.

На всех встречах в Питере (Алексей не признаёт названия города Ленинграда Санкт-Петербургом, считая, как и многие ленинградцы, бывшего мэра Собчака, изменившего название города, предателем по отношению к их северной столице) Алексей держался скромно, не позволял лишней стопки водки, был предупредителен с товарищами, добровольно нес любую поклажу, необходимую для общего стола, добросовестно, с охотой выполнял поручения, причём с искренним желанием старался сделать пребывание ветеранов в Ленинграде удобным и приятным. Я не видел его удручённым или рассерженным, высказывающим недовольство. Можно сказать, он был приятным во всех отношениях человеком, хотя происходил из простой рабочей семьи и «никаких университетов не кончал». Не курил.

Продолжим его рассказ.

— В последний день марта, 31 числа, наш 314-й полк получил приказ перейти из обороны в наступление — прорвать линию обороны противника, перерезать шоссе и железную дорогу, ведущие от Пскова на Остров, и тем самым не дать возможности немцам отводить войска в витебском направлении, а заставить их отходить на Ригу. Развивая успех, наша дивизия намеревалась дойти до реки Великая и по возможности захватить плацдарм на другом её берегу. После артиллерийской и авиационной обработки их переднего края пехота поднималась в атаку.

В то время морозы уже были небольшими. Река Многа, через которую нам нужно было переправиться, ещё не разлилась и не была похожей на ту, многоводную, которую мы видели, когда посетили места бывших боёв в 2004 году, а поэтому сапёры быстро проложили небольшие мостики в неглубоких местах, и мы успешно форсировали волную преграду. Бросок, как пишет в своей книге «От Невы до Эльбы» командир дивизии С.Н. Борщёв, был настолько стремительным (и я это хорошо помню, так как обеспечивал связь полк с батальонами), что, вскочив в первую, а затем и во вторую линию обороны противника, как оказалось, застали на столах в землянках горячий завтрак с эрзакофе — фритам не дали даже позавтракать. Останавливаться не приходилось — мы стремились к реке Великой. Во время бега, дабы не упустить время, многие бойцы сбросили с себя полушубки, которые потом собирала комендантская рота, что позволило проскочить через железнодорожную насыпь, добежать до реки и успешно выполнить задачу. Но на соседнем участке успех был меньше — дивизия оказалась в полуокружении. Немцы воспользовались такой ситуацией, перешли в контрнаступление при поддержке танков и артиллерии, вследствие этого форсировать Великую с ходу не удалось — завязались оборонительные бои.

Когда я бежал вслед за ротой, то на насыпи меня ранило в ногу. — Немедленно отправляйся в медсанбат, — приказал командир взвода связи лейтенант Волков.

Мне сделали перевязку. Противник начал авианалёт и артобстрел. Пришлось ползти. Поле представляло собой месиво грязи. От неимоверной усталости и потери крови я потерял сознание. Сколько времени лежал, и кто меня доставил в медсанбат — не знаю. Очнулся уже в палатке. К счастью, рана оказалась не очень тяжёлой, и меня не отправили в тыл, а положили в госпиталь на станции Новоселье в каком-то сохранившемся помещении, вероятно, в бывшей школе, где я пролежал до 1 мая. Но как только я узнал, что нашу дивизию отвели от фронта и направили в пригород Ленинграда — в район Пери и Грузино, — убежал из госпитализма. На станции Новоселье нас, желающих вернуться в свои части, оказалось несколько человек. Из моей дивизии я был один. На железнодорожном пути в сторону Ленинграда стояла дрезины с небольшой платформой и кузовом на ней, похожим на автогрузовой. Мы упростили водителя взять нас с собой, сели и благополучно доехали до Луги. Время было военное, патрули проверяли всех, кто ехал от фронта, но нас не тронули, и мы тут же на станции перебрались в пустой вагон товарного поезда, шедшего, как оказалось, до Ленинграда. На платформе в городе Гатчина нас снял пограничный патруль и доставил в военную комендатуру. Посмотрели военную красноармейскую книжку, где значился мой домашний адрес в Парголово, и посчитали меня возвращающимся домой, дезертиром. Подозрение усиливалось ещё и потому, что Пери-Грузино, где, по моим предположениям, находилась 46-я дивизия, находилась на одном направлении с Парголово.

Три дня продержали, проверяя, а потом приказали:

— Ты направляешься в запасной полк.

И указали место его расположения. Было обидно, что не попадаю обратно в свой 314-й, но (надо же!) на крыльце здания комендатуры увидел знакомого солдата — связанного командира роты разведчиков старшего лейтенанта (фамилию, к сожалению, не запомнил), обратился к нему, и тот сказал, что они едут в 314-й полк. Когда вышел старший лейтенант, я объяснил своё положение, он согласился взять меня с собой. Теперь я ехал легально под его началом. На попутных машинах по его документам мы миновали все контрольно-пропускные пункты и добрались до Ленинграда. Более того, он (как жаль, что не запомнил его фамилию) разрешил мне посетить родителей в Парголово, а сам тоже поехал домой с условием, что мы встретимся утром на станции Кушелевка. Времени было мало — одна ночь. Я знал, что отец работает на заводе Красный Выборжец, где и проживает на казарменном положении, — поехал к нему. Встреча была необыкновенно радостной — мы просидели почти до утра. От него я узнал подробности о смерти мамы, которая, я знал из письма в госпиталь, умерла 17 апреля 1944 года. Отец позволил поспать пару часиков и проводил меня до станции Кушелевка, где старшего лейтенанта не оказалось. Тревога не покидала и отца — могли задержать бродившие по перрону военные патрули, но и на сей раз мне повезло: когда подошёл поезд, я увидел в вагоне начальника связи нашего полка капитана Пеккер.

С ним я и прибыл в свой полк. Меня оставили в роте связи. Дивизия стояла на пополнении, на отдыхе. Прибывали техника, солдаты из запасных частей и молодежь из партизанских отрядов. К нам даже приехал краснознаменный ансамбль, песни и пляски Александра. Мы располагались на склоне холма, артисты — внизу.

Они были в красных погонах. Началась подготовка к новому наступлению. Дивизию перебазировали в район деревни Каменка под Белоостровом — готовились к боям на Карельском перешейке. 10 июня после продолжительной артподготовки 30-й корпус генерала Симоняка прорвал сильно укрепленную передовую линию финнов, продвинулся на 14 километров и освободил посёлки Олливо, Куокола, Коломяки и Терюки. Мы, наш полк, шли вторым эшелонам. Ему предстояла задача прорвать вторую линию обороны финнов в районе Чёрной речки (Вильмен-Юоки). В первый день нас постигла неудача — ни разведчики, ни аэрофотосъёмка не могли установить точные данные о мощи оборонительной полосы с многочисленными, хорошо замаскированными дотами, дзотами, бункерами, с содержащимися под ними казематами для проживания солдат, со складами боезапасов и продовольствия.

На второй день (14 июня) после мощной обработки с участием авиации и корабельной артиллерии с фортов наш полк, заняв участок фронта в районе железнодорожного моста по дороге на Выборг, в числе других сумел форсировать реку, занял позицию под высоким берегом, наверху которого располагались финны. Помню, что недалеко от нашего штаба находилась самоходка с 152-мм орудием, от выстрела которого от вражеского дота летели искры.

Батальонам Зенни и Михалёва удалось блокировать их. Я в то время успел по затопленному мостику перебежать под берег и взобраться наверх, видел развороченные остовы укреплений, разорванные взрывами снарядов рельсы, воронки (не было, что называется, живого места на всей территории линии обороны), видел идущих с поднятыми руками финнов и наших солдат, устремившихся на Койванто.

Самёры успели сделать переправу через Чёрную речку — появились танки и самоходки, на которые стали сажать пехоту, и вся мощь дивизии, преодолевая многочисленные завалы на дорогах, показилась до доведенной линии обороны Маннергейма в районе Ермилово (Хумолиоки), где снова вступила в бой. Там, помнится, разгромили финский батальон велосипедистов, я подобрал велосипед и использовал трофей для поездок по сбору допесенки.

После освобождения посёлка Советский (Иоханес) нашу дивизию сменила 90-я, а мы переместились в сторону Выборга, куда, как я помню, в июле прибыли и вы, а поэтому продолжать рассказ о дальнейшем пути дивизии не стану — вы всё рассказали в книге «На грани смертельного круга».

О себе могу сказать, что после расформирования 46-й дивизии в октябре или ноябре 1946 года служил в 94-й гвардейской ди-

визии в 288-м стрелковом полку командиром отделения ПСД. В марте 1947 года демобилизованных доставили в Магдебург (Германия), сформировали железнодорожный эшелон и всех, кто проживал на Северо-Западе страны, перевезли на Родину. В 20-х числах марта я был дома в Парголово.

Оформил документы в военкомате и поспешил на свой завод Киншп. Продовольственных карточек не дали — получили талоны на питание в военкомате — да и с работой пришлось повременить, посоветовали поступить токарем на оборонный завод вблизи Парголово, где и проработал до пенсии (1984 год). Участвовал в общественной жизни завода, долгое время был председателем цехкома, членом партбюро, а коллектив был немаленький — до 220 человек. Женился, но неудачно. С Тамарой же прожил 35 лет. Сын и дочь от первого брака относятся к нам хорошо. Должен сказать, что считаю себя счастливым человеком, пережив такую войну, пройдя с боями 4800 километров. Судьба оказалась милостивой ко мне.

Извини за ошибки и каракули — для меня лучше сделать на токарном станке любую деталь, чем написать письмо — рука устала писать — несколько дней ушло на него».

От себя замечу, что Алексей Михайлович награжден орденом Славы III степени, медалями, а за мирный труд — орденом Октябрьской революции. Об этом он промолчал в силу своей удивительной скромности.

Василий Яковлевич Тихонов

Встреча с Председателем Совета ветеранов 46-й дивизии произошла в Ленинграде. Она произвела на меня большое впечатление потому, что увидел подвижного, с живыми глазами, молодо выглядящего мужчину, постоянно хлопотавшего по устройству удобств для проведения встреч ветеранов, вокруг которого постоянно находились друзья и знакомые. Подойти к нему я побоялся, считая любого Председателя Совета, а до него ими были генералы и высокие чины, тем руководителем, которому бывшие нижние чины, вроде меня, попытками завязать знакомство доставляют лишние хлопоты, унижают их достоинство. Примером служил случай с моей попыткой в Германии на конференции в Грайфсвальдском Университете уточнить у генерала Ляченко, бывшего командира 90-й стрелковой дивизии, некоторые данные о ходе капитуляции Грайфсвальда частям нашего подразделения. Увидел на его лице высокомерие и откровенное недовольство, свойственное много о себе пишущему солдафону, и уже никогда не пытался идти на контакт с такими людьми.

Но знакомство с Василием Яковлевичем состоялось и даже перешло в дружбу. Чем больше общался с ним по ветеранским делам, по письмам и перепискам о музейных хлопотах, тем большим уважением прощались к этому удивительно бескорыстному человеку, полностью посвятившему себя общему делу па-

триотического воспитания нового поколения, но в большей степени забываемую о судьбах фронтовых товарищей. В нём в высшей степени сконцентрированы лучшие качества политического работника советского периода, качества, от которых он не может освободиться и при нынешнем новом капиталистическом укладе жизни.

Прочтите его повествование и поймёте истоки его нравственного кредо.

Жизненный путь у каждого из нас складывается по-разному. Всё зависит от места рождения, сложившихся, переходящих от поколения к поколению традиций, от многих других факторов, вплоть до наследственности. Большой разницы в уровне жизни моих родителей и жизни однопоселчан не наблюдалось, потому как семья, а в нашей деревне было около 60 дворов, жили в одинаковых природных условиях. Материальное положение каждого из них зависело от того, кто и что мог делать, а быть семьянином в сельской местности означало каждому самостоятельно уметь создавать все блага, жизненно необходимые для продолжения рода.

Наше детство совпало с началом исторических преобразований села — сменой общественного строя, и родителям пришлось принимать весьма сложное и жизненно важное решение — куда и с кем идти. Чёткого представления о сути предлагаемых перемен в хозяйственном укладе в то время ни у кого не было. В моей памяти, а мне шёл седьмой год, сохранился случай с «приглашением» в колхоз Семёна Гунина, долго репавшего: вступить в него или подождать лучших времён. Что значит для крестьянина отдать лошадь, инвентарь, то есть лишиться первоосновы ведения личного хозяйства! Какие душевные муки терзали его! Создание колхоза и у нас проходило болезненно, с так называемыми «переходами».

Семья в деревнях были большими, до девяти детей, молодёжь нигде не уезжала — было кому и с кем работать в колхозном хозяйстве. Лишь из армии, отслужив, не все парни возвращались домой.

Стартом моего жизненного пути стал 1924 год, февраль, двадцать третий день, в деревне Бойнёво, располагавшейся на Валдайской возвышенности тогда ещё Ленинградской области.

В народе говорят, что каждый кулик своё болото хвалит — побываю и я в роли кулика. Моя деревня расположена в 20 километрах от Валдая. Предки умело выбрали место для стоянки — леса, соединяющиеся речушками три озера, раздолье полей! В селе были мельница, кузница, школа, ткацкая мастерская. Одна семья занималась обработкой овчин. Деревня делилась на три части — Колосово, Фроловская барщина и Панаевская барщина — по фамилиям их бывших владельцев. На берегу озера сохранился фундамент усадьбы Панаева с могучими тополями в парке. Есть предположение, что эти места посещал поэт Н.А. Некрасов. Молодёжь до войны гуляла по аллеям парка, а мы, пацаны, лазали по тем деревьям. Как всякий кулик, считаю, что наша местность

необычайно красива: в трёх километрах расположено озеро Ужин, соединяющееся с Валдайским озером возле деревни Долгие Броды, где до войны по инициативе А.А. Жданова (он здесь и скончался) построили Дом отдыха, по всему периметру обнесённый двухметровой высоты забором. Причаливать на лодках со стороны озера к даче категорически запрещалось.

После войны его передали в ведение Министерства культуры для отдыха артистов, писателей, членов Правительства, космонавтов. Его облюбовал и бывший первый Президент России Б.Н. Ельцин. Сейчас Дом отдыха носит название Рошино. Сей уголок рая мне удалось обозреть уже в пожилом возрасте — завхозом здесь работал муж моей племянницы. Меня поражала красота номеров, условия отдыха, вид со «сталинской беседки» (Сталин здесь не отдыхал, но в народе такое название сохранилось) на Иверский монастырь, расположенный на острове валдайского озера. Во время войны здесь располагался штаб фронта новгородского направления.

Все вспоминают счастливое детство!!! Его у меня не было: отец рано уехал в Ленинград на заработки — не захотел вступить в колхоз — был мастером по столярному делу, пригласил к себе мать, но она покинуть деревню не желала. Старший брат, отслужив Армию, тоже обосновался в Ленинграде. Ушёл в Армию средний брат, и остался я при матери единственным хозяином. Мужик всё-таки! Полол грядки на огороде, поливал, собирал щавель, копал картофель, носил воду и дрова, сушил сено, следил за коровой и овцами, очищал от сорняков вместе с матерью колхозный лён, завидовал идущим загорать на озеро городским детям... Подрост и вплотную впрягся в работу на лошади — нахал, возил навоз в поле, а зимой, во время каникул, — лес и дрова на сплаве.

Школа для первоклашек располагалась в нашей деревне, кстати говоря, в ней учились и родители в момент дикбеза, тетрадей не было, писали на грифельных досках, а 2,3,4 классы учился в деревне Горелово, что в 3-х километрах от нашей деревни. Семилетку закончил в Новотроицкой школе, которая находилась в 4-х километрах от дома. В зимнее время в воскресные дни всей компанией становились на самодельные лыжи и до сумерек осваивали все пригорки вокруг села, потом мокрые, заснеженные возвращались домой и, покушав, чем бог послал, забирались на русскую спасительную печь для обогрева и просушки.

Весной, когда ручьи пробивали себе дорогу, устраивали запруды и ставили на них «турбины», конструировали из нитяных катушек летающие пропеллеры, а по хозяйству учились подшивать валенки, чинить обувь, точить инструменты — делать всё необходимое для дома, ибо просить кого-то сделать за тебя в деревне считалось позорным, да и не принято было.

В старших классах изучали винтовку, противогаз, бросали гранаты, учились штыковому бою. Участник русско-японской войны, дядя Вася Лычков, был в этом деле непререкаемым авторитетом. Он весною проводил «тактические» учения вдоль по-

росшего кустарником, покрытого валунами берега реки Ежовка и «бои» на местности по всем законам «стратегического» плана ведения, максимально приближенных к реальным. Артподготовка велась с помощью специально изготовленных из ключей от амбарных замков взрывных устройств, начинённых головками от спичек с привязанными к ним затупленными, вставленными в отверстие ключа, гвоздями, при ударе которых о камень, происходил взрыв. В качестве огнемёта Женья Иваненков применял выброшенную изо рта на зажжённую спичку в вытянутой руке струю керосина.

После такой «обработки» вражеских позиций все бросались в атаку с криком «Ура» и, надо сказать, победа всегда была за нами. В школе вручались осовиахимовские значки, которыми мы гордились и носили как ордена.

Наступило время определить профессию – договорились поступить в ФЗУ на стекольный завод, но пока сходили до места назначения – сокучились по дому и, побродив по цехам завода, понабрав стеклянных трубок, которые потом на проходной от нас отобрали, вернулись домой.

Вторая попытка пришлась на начало войны, когда по объявлению мы поехали на Волховстрой-2. Слово солдат, нас поселили в большое помещение с металлическими койками и тумбочками на двоих, приделали в фюзелажную форму и вошли на занятия строем – всё напоминало военный режим. Это и не удивительно – Волховстрой и рядом находящееся Чудово были уже в прицеле немецкой авиации. Военные подвозили по Волхову сварные металлические сетки и ставили перед станцией во избежание подрыва её плавающими немецкими минами, а мы занимались сбором просушенного, спрессованного в виде кирпичиков торфа – основного топлива ГЭС. Ряды учащихся ФЗУ со временем стали редеть, и мы (Коля Болдин, Вася Филькин, Вася Макаров) приняли решение последовать примеру ушедших. Но на нас была форма фюзелажников, а лиц в такой форме патрули задерживали. Оставив все ложитки в общежитии, с тросточками в руках, налегке пошли «прогуляться» на берег реки. Нам повезло – помог ходивший через Волхов речной трамвайчик, а затем и товарищ изредок, шедший в сторону Чудова. Тут впервые мы привяли не по своему желанию боевое крещение – налетели немецкие самолёты и начали бомбить станцию с находившимися на ней составами. Присутствие страха не вмещалось в штаны – бежали по улицам под градом сыпавшихся из окон домов стеклянных осколков до траншей, вырытых вдоль берега Волхова, где укрылись и стали думать, что делать дальше. На наше счастье, мужчина согласился перевезти нас через реку, да и стоявший на пути санитарный поезд шел, как оказалось, на Москву, как раз в том направлении, куда требовалось и нам. Слезли на станции Угловка ночью, а до дому оставалось 18 километров. В деревне Стехново уже стояли воинские части, ходили патрули – могли задержать, поэтому, услышав голоса за селом, решили, сидя

во ржи, дожидаться рассвета. Как оказалось, голоса принадлежали обосновавшимся в лесочке пыганам.

Словно на крыльях летели, бодрые и радостные, к своей деревне. Было утро, навстречу попалась женщина, шедшая жать рожь. Мама не ожидала встречи, а посему – слёзы и радость. Она накормила, чем могла, моих друзей, и они пошли в Терехово. Что было бы с нами, шестнадцатилетними, если бы мы остались в ФЗУ, – трудно представить.

На период нашего юношества выпали суровые испытания – защита Отечества от вероломного врага. Трудились под лозунгом: «Всё для фронта! Всё для Победы!»

Но и в это тяжёлое время молодёжь сохраняла сложившиеся сельские традиции: с гармошкой, как это было и до нас, после трудового дня (я немножко умел играть на гармохе, своей не было, а гармонист, как известно – первый парень на деревне) молодёжь собиралась на улице и толпой ходила с песнями по деревне туда и обратно – парни с гармонистом впереди, а за ними девушки. И лишь потом у дома Хариных начинали плясать с припевками нами же сочинённых частушек. Ну, а потом расходились парами по домам. Никто не обижался на нарушение тишины – односельчане сами когда-то проводили время тут же и так же.

Но нашему возрасту мало выпало времени на такую мирную жизнь – стали доноситься раскаты орудийных выстрелов, в деревне расположились тыловые воинские части – приближалась опасность оккупации. Односельчане стали готовиться к худшему – сооружали в лесах землянки, делали запасы хлеба, благо в 41-42 годах урожай его был хорошим, погнали в сторону Боровичей под приемотром десятков колхозный скот, и мы «осиротели», притихли, насторожились, ждали приближения фронта – наша местность стала прифронтовой полосой. Советские и партийные органы готовились к подпольной и партизанской борьбе, а нас, «рыцарей», стали усиленно готовить к военному делу. Мы с Мишей Плешановым в селе Станки стали изучать станковый пулемёт. Занятия проводились военными на практике с полной физической нагрузкой в виде бега по пересечённой местности, прыжков через ямы, с преодолением препятствий и т.п. Пулемёт изучили до винтика, могли разобрать и собрать с закрытыми глазами, а по истечении определённого времени приступили к стрельбам по мишеням. При идличих результатах руководитель почему-то стал гонять нас по полю бегом, полагая, что после этого мы будем стрелять лучше.

В июле 1942 года меня, единственного из деревни, направили в созданный в Валдае истребительный батальон, а точнее, в отряд из бойцов моего возраста. В городе уже квартировалось много войск, штабов, в том числе и штаб партизанского движения.

В задачу нашего отряда входило поддержание в городе военного порядка. Жили на военном положении, но в гражданской одежде. Присягу не принимали. Выдали каждому по трёхли-

нейке, с которой и патрулировали в ночное время по ответственным маршрутам города. Озабоченность властей и военных объяснялась случаями высадки немцами парашютистов, диверсантов, которые снабжали свои штабы данными о наших войсках. В подтверждение этого могу сказать, что сам видел диверсанта, выброшенного в местечке меж деревнями Стехново и Христовой с расстоянием меж ними в 10-12 километров. Там кругом лес и болота. Появление здесь человека, тем более в это время, — редкость.

Муж моей сестры, Леонид Васильевич, послал меня в Боровичи для покупки чемодана. Ничего не купив, я возвращался домой. От Боровичей до станции Угловка ехал поездом, а до Стехново, — там 18 километров, — пешочком через Хрестово-Бойново. Просёлочной разбитой дорогой шёл и вспомнил, что взрослые упоминали о находившейся на моём пути глубокой лошине, где, якобы, в старину нападали бандиты. Говорили, что когда-то здесь добывали извесь, и есть там карьер. Возле этого места, поросшего лесом, встретился человек. Поравнявшись со мной, он спросил:

— Скажите, пожалуйста, я правильно иду до станции Углы?

На голове у незнакомца клетчатая кепка с пряжкой, соединяющей «уши» на макушке.

— Да, вы идёте правильно, — подтвердил я и ускорил шаг. Возникла мысль: «Почему он неправильно назвал станцию? Она — Угловка, а не Углы». И второе, у нас такие кепки уже не носят! Сомнений не было — диверсант. Пришлось сообщить о встрече в соответствующие органы.

Однажды меня и Василия Иванова назначили патрулировать по прибрежной к валдайскому озеру улице. Часов у нас не было. Предполагая, что вот-вот нас сменят, присели на крыльце дома в начале улицы и... уснули. Проснулись одновременно. Ни у меня, ни у него... винтовок не оказалось. Бросились искать возле дома и на огороде — не нашли!!! Что делать? Пробежали по улице, где и встретили смену во главе с офицером. Трухнули страшно — загнули на посту!!! Утерjali оружие с боеприпасами!!!

Прибыв в казарму, побежал в оружейную комнату — моя родная винтовочка стояла на положенном ей месте!!!

На гауптвахте времени для анализа поступка оказалось в избытке. То, что присяга не была еще принята, помогло избежать сурового наказания, но послужило уроком на все времена, как во время войны, так и после неё..

18 августа 1942 года нас с племянником Николаем Болдиным в числе земляков-одногодков призвали в армию.

Ныне, проезжая знакомую улицу в Валдае, заметил, что того дома, где располагался военкомат, где я получил комсомольский билет, не увидишь, здесь стоянка для автомашин.

Проводы в армию в нашей местности традиционны — односельчане, молодежь выходят на улицу и всей колонной, сопровождаемые гармоникой и пением родных, знакомых сердцу песен,

идут до околицы села, где происходят последние напутствия, пожелания и слёзы. Все стоят и машут платочками вслед до тех пор, пока не исчезнут с поля зрения уходящие в армию новобранцы. Особенность наших проводов отличалась от остальных — нас провожали на войну, и не было гарантии возврата отцов, сыновей, близких людей, женхков, братьев. Пропались с милыми девушками, с матерями, жёнами, родными местами, озером, лесом, полями, дугами, милыми лошадками и прочей домашней деревенской живностью...

Эшелон, стуча колёсами, с шипением пара и частыми гудками, оставляя позади Валдай, Бологое, разбитый Тихвин и блокадное Токсово, прибыл благополучно, без сопровождения немецких бомбардировщиков, к Ладожскому озеру.

В 47-м зенитном полку готовили командиров орудий. Служивший в нём Николай Болдин посоветовал моему племяннику Михаилу не говорить, что у него окончено 7 классов, мол, пошлёт учиться на младших командиров, которые чаще всего погибали в боевой обстановке. А получилось так, что после прохождения курса молодого бойца племянник попал в пехоту и в районе Колпино был тяжело ранен. Нас же расположили в казарме с двухъярусными парами, выдали ботинки с обмотками, будь они неладны, потому что при команде «Подъём!!!» они всегда выскальзывали из рук и растягивались по полу, не позволяя вовремя встать в строй. Но мы догадались наматывать их заранее под одеялом до подъёма и, обувшись, стали успевать встать в строй вовремя. Сложнее приходилось бойцам с верхнего яруса, но и они старались освоить сию «науку», ибо отстающих тренировали многократными командами «подъём-отбой» или парадом вне очереди мыть полы после отбоя. Для нас, дистрофиков, такое наказание при большом размере казармы и холодной воде было тяжелейшим. Особенно после изнурительных занятий с 76-мм полковой пушкой при приготовлении её к бою с рывком ровиков, занятием огневой позиции и уходом с неё после стрельбы. Пушку перемещали вручную всем взводом, силёнок при блокадном питании не хватало — учение давалось с большим трудом. Лишь иногда на занятиях по топографии командир взвода уводил нас на гороховое поле, где можно было найти лакомый стручок-другой гороха.

Через три месяца, присвоив звание сержанта, направили на передовую и распределили по подразделениям, до которых нашу группу на поезде довезли до станции Ржевка, а потом — пешочком до располагавшейся на правом берегу Невы батареи 122-мм гаубиц. В пути мы так устали, что полетели на снег. Сопровождающий группу офицер ушёл, и мы лежали до прихода другого офицера — командира орудия — старшего лейтенанта Иванова, который и развёл нас по блиндажам.

Старшим офицером батареи был лейтенант Ройтвайн, замполитом — ст. л-нт Дробышевский, командовал батареей капитан Свердлов. Наша огневая позиция находилась на правом берегу Невы напротив 8-й ГЭС. Она была оборудована основательно — орудия

под пакатами, с хорошими землянками для расчётов, но огонь приходилось вести в ограниченном режиме – три-четыре снаряда за сутки. Мы ухитрились сэкономить их за какое-то время, и тогда предоставлялась возможность «бабахнуть» по немцам основательно. Наводчиком был Кутышов Алим Хасьянович и еще три человека расчёта.

Соединение, в которое входил и наш артиллерийский полк, занимало полосу обороны от Ладожского озера до Невской Дубровки с 9 сентября 41 года по январь 43-го, а после прорыва блокады передислоцировалось под Колпино.

О пребывании на этом рубеже в памяти сохранилось событие, равнозначное второму рождению, хотя их было значительно больше: во время обеденного перерыва расчёт остался в землянке, а я пошёл к старшему офицеру батареи за почтой. Из его землянки увидел первый взрыв немецкого снаряда с перелётом нашего орудия. Второй снаряд разорвался перед орудием. Я заскочил в ход сообщения, который соединял огневую с землянкой командира, и стал ждать дальнейших событий. Третий снаряд угодил в ровик с приготовленными для стрельбы снарядами. Произошла детонация, снаряды взорвались, орудие подбросило и перевернуло вверх колёсами. Можно представить, что было бы, если бы расчёт находился возле орудия! На сей раз всё обошлось благополучно, но потери товарищей по принципу «авось», по глупости и неосторожности, всё же были. Например, на кухню, расположенную в полукилометре по направлению к Колпино, из нашего расчёта послали Парфёнова, который сагитировал одного из работников кухни сходить за проволочное ограждение и поискать у убитых немецких солдат часы, портсигары, фонарики...

Но там сохранилось мняное поле, поросшее высокой травой так, что рассмотреть что-либо впереди было невозможно. Кто-то из них задел ногами проволочку растяжки от шпрингмины (подорывающей мины), которая сработала, убив работника кухни. Парфёнову повезло — остался жив. До сего времени он помнит мне как скрытный солдат, не имеющий друзей, как жмот — он был старше меня.

Второй случай его неординарности произошёл под Красным Бором: мы сменили огневую позицию, каждый расчёт копал место для орудия, и кто-то наткнулся на «клад» — самовар, посуда, лампы от божницы и другие вещи, зарытые, очевидно, кем-то из местных жителей. Деревни на этом месте уже не существовало. Оборудовали землянку для отдыха. И что нашло на Парфёнова! — расчувствовался и стал показывать содержимое своего портмоне. Там лежали золотые коронки зубов, видимо, снятые тогда с убитого немца, камешки, украшавшие иконы, колокольчики от лампы. Найденные вещи изклада мы сдали в штаб, а он, оказывается, старался при любом случае пополнять свой запас ценностями. Поэтому и хранится у нём неприятный осадок...

Каждый раз, проезжая по дороге Ленинград-Новгород-Валдай, вспоминаю, как мы с большим риском вывозили ночью

орудие на прямую наводку в назначенное место к назначенному времени, на тракторах, к заранее оборудованной огневой, расположенной на открытой местности в 300-400-х метрах от немецких траншей. Наше орудие немцы могли видеть и невооружённым глазом. Отстрелившись, его надо было откатить в укрытие. В тот раз задачу мы выполнили успешно — благополучно возвратились на основную позицию.

Я уже говорил, что снарядов не хватало, но наступил момент, когда на каждое орудие стали подвозить по целому автоприцепу. Мы поняли, что идёт подготовка к большой операции.

И это произошло в январе 1944 года. Началось освобождение Ленинграда от блокады, но наша дивизия в полном его освобождении не участвовала — батарея в этот момент стреляла с огневой позиции западнее Колпино по шоссе Ленинград-Москва. По ходу стрельбы приходилось всё чаще и чаще увеличивать прицел, поднимая всё круче и круче ствол, разбирая при этом мешающий подъёму ствола накат укрытия. От стрельбы стволы нагревались — приходилось охлаждать их водой. Азарт стрельбы охватил все расчёты, многие бойцы сбросили головные уборы, сняли ремни, — шло своеобразное соревнование — кто больше выпустит снарядов по долго укрепляемой дотами и дзотами обороне немцев. Чувство радости ощущалось у всех. Как же!!! — наши войска начали наступать, освобождать Ленинградскую область от врага!!! Снявшись с огневой, марш-броском через Павловск — Гатчину пошли вперёд, но виденные разрушения при движении оставляли и горечь — горели знаменитые дворцы. И всё же преобладала радость, когда освобождали Лугу, Плюссу, Струги Красные и подошли к Пскову возле Стремутки.

Бои были ожесточёнными за каждый населённый пункт. О том, что он был когда-то здесь, говорили полусухие берёзы, яблони, заброшенные колоды, остова печей, остатки фундаментов домов. Мы встретили только одну сохранившуюся деревню, да и то благодаря партизанам. Мы теряли боевых друзей. Если бы по нашему маршруту ставить памятники каждому погибшему солдату — получился бы мемориал длиной в сотни километров.

Случаи гибели солдат по необдуманности с расчётом на русское «авось» да «небось», по ухарству и неосторожности были, но так мы рассуждаем много лет спустя, а тогда происходило всё иначе — приходилось действовать по сложившимся ситуациям, по замыслу командования, да и инициатива солдат поощрялась, которая, к сожалению, нередко заканчивалась трагично.

Забегая вперёд, вспоминаю, как после освобождения Выборга в районе Сойгского канала командир полка, подполковник Солодков, вышел в натальной рубашке умываться, ему на руки солдат сливал воду, и финский снайпер не упустил возможности записать на свой счёт еще одного убитого.

Для меня тяжелой утратой стала гибель на моих глазах командира взвода управления батареи — лейтенанта Лаухина — в тот момент, когда я был у него ординарцем под Стремуткой.

Прошли десятилетия, но в зрительной памяти сохранились все детали происшедшего: 46-я стрелковая Лужская дивизия наступала южнее Пскова с целью перерезать железную и шоссеиную дороги Псков-Остров, чтобы выйти к берегу реки Великая, а затем форсировать её. Такой маневр воспрепятствовал бы отводу немецких войск к городу Остров.

Ожесточившее сопротивление на рубеже линии «Пантера» в весенний период вынудило тогда перейти к обороне. После передышки предстояло форсировать речку Многа. Утро было светлым. Мы с лейтенантом и связистом Ивановым, с которыми ранее служили в одном расчёте, направились на наблюдательный пункт для смены командира батареи. Спустились к реке Многа по большим высоким кочкам, перешли её по импровизированному мостику, перескочили и шоссеиную дорогу – лейтенант впереди, я за ним, а Иванов шёл замыкающим, как вдруг на нас обрушился поток минных разрывов... Очнувшись, придя в сознание, услышал стон и голос Иванова, лежащего возле землянки:

– Вася! Меня ранило!!!

Подбегая к нему и вижу, что ранение не опасное – сам может перевязаться, а рядом лежит лейтенант. Осколок мины пробил ему грудь и вышел через спину... Лейтенант был мертв...

Думал, что избежать трагедии можно было, назначив смену командира батареи в ночное время. Но это я говорю спустя много лет, а тогда надо было выполнять приказ командира... Да и огневая позиция, с моей точки зрения сегодняшнего времени, под Стремуткой была выбрана неудачно – на открытом месте, в своеобразном мешке, на глазах у противника. Мы даже ровники и землянки не оборудовали, оружие не углубили – всё просматривалось как на ладони, лишь телеграфисты с радиетамы успели вырыть небольшое углубление и прикрыть его плащпалаткой. В таких случаях при вражеском обстреле господствовала одна мысль – лишь бы не прямое попадание!

В тот раз под Стремуткой тоже не обошлось без жертв – смертельно ранили общего любимца батареи комсорга Мишу Асюнькина. Когда его несли на носилках в ПМП, он пел любимую песню «Синичкин скомроный платочек». Ранило и бойца из третьего расчёта.

Пришлось перейти к обороне – требовалось пополнение, но весенняя распутица не позволяла подтянуть тяжёлую технику, дивизию сменила другая часть, нас посадили в вагоны и отправили под Ленинград на станции Пери и Воскелово для отдыха и доукомплектования личным составом. Здесь удалось даже присутствовать на выступлении ансамбля песни и пляски под руководством Александра.

В начале июня снова фронт – под Белоостровом. Наш наблюдательный пункт артиллерии находился левее города. В тот раз я был переведён в штаб полка для охраны его знамени.

Освобождение Карельского перешейка началось мощнейшей артиллерийской канонадой. Мы уничтожали прямой наводкой оборонительные сооружения финнов. Дивизию ввели в прорыв второй линии обороны финской армии на рубеже Черной речки.

В расположении артиллерии господствовал радостный настрой, да и день стоял солнечный, тёплый. Я стоял у знамени в крытой машине, возле которой был вырыт ровик в человеческий рост. Стоял и видел шлейфы снарядов от залпа «катюш», стройные ряды наплывавших на передний край самолётов, слышал громовые раскаты артиллерийских залпов. Всё это наполняло нас чувством радости и гордости...

Уже в который раз возникает сожаление, и это многие забывали, что враг будет упорно сопротивляться: штаб, соблюдая маскировку, обосновался в сосновом десочке, и вдруг пролетающий над нами снаряд задел вершину дерева, разорвался, ранил восемь человек, в том числе и меня. Осколок пробил шинель, колодочку медали «За отвагу» и застрял в груди, в лёгком. Нас погрузили на грузовую машину и повезли в медсанбат в Зеленогорск. По дороге я задыхался, поскольку лёгкие наполнились кровью, просил воздуха. Нас, сняв с машины, поместили на раскладушках в большой палатке с покрытым хвоей полом. Здесь я пролежал месяц, после чего передислоцировали в ленинградский эвакуационный госпиталь на Староневском проспекте, в здание бывшей школы. Лечили до января 1945 года. Операцию по извлечению осколка из лёгких согласился не проводить, а чтоб не бесплатно кушал хлеб – назначили старшиную палаты (бывшие классы, по 25-30 человек раненых в каждой).

Поскольку в них находились только тяжелораненые, то пришлось перевозить кого-то на перевязку, иных – на операции после обхода врачей, организовывать питание, проводить учёт курящих – кто не мог свернуть цигарку, тому давали папиросы, другим – махорку, а некурящим – сахар. Признаюсь – старался увеличить число курящих папиросы: была возможность найти иное применение сакомленному куреву. Таких как я, выздоравливающих, привлекали на хозяйственные работы, ведь к этому времени кормили лучше, да и сестрички нас баловали. Из пришедших в норму солдат формировали команду и направляли прямо на «хронты».

До сего времени благодарен начальнику отделения, капитану Боговявленскому, лечащим врачам, сестричкам Валечке Волковой и Тамаре Ермаковой за удивительно тёплое отношение к раненым.

В тот период удалось поработать в Малом оперном театре и Музкомедии, куда из-за нехватки рабочих приглашали таких как я для оформления той или иной постановки – поднимали из запасников декорации, оформляли первое действие, получая за это право занимать места на балконе, откуда смотрели и слушали «театральное действие».

Всему приходит конец. После Нового года я оказался в посёлке Троицкоре, расположенном западнее Выборга, в отдельном противотанковом дивизионе 57-мм пушек. Жили в финском домике, откуда ходили на занятия к железной дороге Ленинград-Хельсинки.

На небольшой поляне мы учились готовить орудия к «бою», к стрельбе прямой наводкой по движущейся цели. По железной

дороге мимо нас нередко проходили поезда с возвращающимися из плена нашими бойцами – станция была для них первой остановкой на родной земле! Увидев нас, они что-то кричали, пели песни, бросали нам вещи, письма. Мы были для них первыми после плена советскими людьми, а поэтому реакция была весьма бурной.

Финляндия «решила», что дальнейшее кровопролитие бессмысленно, правительство Рюти, пытавшееся выполнить обещание Гитлеру не иметь никаких переговоров с Советами, – вынуждено было уйти в отставку, поэтому держать войска на границе уже не имело смысла, и наш отдых закончился.

Эшелон под литерой N, догоняя наступающие войска, застучал колёсами в сторону фронта. Первая остановка произошла на товарной станции Московского вокзала – недалеко от Старо-невского проспекта. Я решил сбегать в госпиталь и поблагодарить еще раз лечащих врачей. Вернулся, а эшелона уже нет! Ушёл! Я – к железнодорожникам:

– Как быть? Посоветуйте – как догнать мой эшелон?

– Езжай на Витебский вокзал, возможно, он там задержался.

Прибежал, спрашиваю:

– Где стоит эшелон N?

– Он уже за пределами Ленинграда. Иди к военному коменданту вокзала.

А тот:

– Езжай на Садовую-3 к коменданту города.

На Садовой, к моему счастью, увидел еще таких же «однополчан». Оба ленинградцы, по фамилии – Климовы. Позднее я подружился с одним из них, Дынтрием Сергеевичем, которому годился в сыновья. Он проживал на Советской улице. Вспоминая тот эпизод, старший Климов признался, что «отстать» ему посоветовал командир батареи, мол, повятно, куда едем, а поэтому при вашем-то возрасте, мол, не стоит рисковать – мы и без вас добьем фашистов.

И нас отправили на гауптвахту, под следствие.

Нашу судьбу определило в лучшую сторону то, что явились в комендатуру не с помощью пагрулей, а по своей инициативе, и поэтому нас не сочли дезертирами. Там, в камере, познакомился с интересным «героем», своеобразным солдатом Шнейком, горящим желанием поехать на фронт, но по независимым от него причинам еще не побывавшим на переднем крае. Были и такие герои.

В моих действиях следствие не усмотрело злых умыслов и через 10 дней освободили, указав местом службы тот же Тюхляре, в 252-й артбригаде при 45-й гвардейской дивизии.

И тут... Победа!!! Конец войне!!!

Вскоре нашу часть передислоцировали в город Выборг, и я оказался в 96-м артполку, от пребывания в котором в памяти не осталось ничего интересного. Зато от службы заведующим полковым складом вооружения, располагавшимся вместе с мастерскими в отдельном здании, где, оборудовав для проживания высокие антресоли, я обосновался, остались памятные воспоминания.

Перед сном я брал с собою пневматическую винтовку и довольно удачно отстреливал с высоты удивительно нахальных крыс.

Моим командиром был начальник артвооружения полка, ленинградец, капитан Виктор Александрович Симон. С ним связан интересный эпизод: на складе хранилась жидкость «стел М», компонентом которого был глицерин с 30% содержанием спирта, предназначавшийся для заливки в противооткатную систему орудий. Капитан поручил мне ответственное дело – очищать эту жидкость от глицерина для получения спирта. Поскольку на складе находилась отопляемая лрованами круглая печь, а мастерская позволила соорудить перегонный аппарат, то наладить производство напитка, согревающего душу и увеличивающего «производительность труда» моего начальника, не вызвало затруднений: несколько солдатских фляг со спиртом я хранил внутри склада в мною же изготовленном шкафу для одежды. Капитан приходил утром на службу, протирали очки и озвучивал желание одним словом:

– Тихоня!

И садился за письменный стол.

Этичную дозу нашей продукции я подносил своему начальнику, и служба весьма успешно шла для нас обоих. Надо признать, что в тот период в армии присутствовал элемент безнаказанности, отсутствовал учёт, о чём еще предупреждал Ленин, – у многих хранилось на руках личное оружие, имелись собственные машины и прочие трофеи, что при таком начальстве, как мой капитан, позволяло прятать концы в воду. Это я говорю в качестве оправдания наших действий.

Сюжет нашего эпизода имел дальнейшее развитие: приходит однажды начальник артвооружения бригады капитан Кононов с капитаном Русинковым из соседнего полка и, ничего не погнав, под видом проверки ЗИПов, лежащих на стеллажах у входа в склад, стали выносить их на улицу, а потом принялись «шуровать» в кабинете, где хранились оружие, оптика и прочее снаряжение. Наконец добрались до моего шкафчика с одеждой и прочей «продукцией». Обнаружили. Забрали. И ушли вместе с моим начальником. После такого погрома я два дня приводил склад в порядок, ждал развоза или снятия с должности, а быть может и других наказаний, что не входило в мои планы, поскольку жил на родном складе независимо ни от кого – со своим распорядком дня при одном славном начальнике, тем более что офицеры технического уклона резко отличались своими требованиями от строевых командиров.

Прошло несколько дней томительного ожидания... Ни наказания... Ни поощрения... Вызывают:

– Сержант Тихонов, вы назначаетесь заведующим отделом артвооружения бригады. Вашим начальником будет капитан Кононов...

– !!!??? – было моим ответом.

Их здания и службы, замечу попутно, сохранились и поныне. Они располагались напротив крепости и, по сути дела, представ-

дали обустроенный еще финнами военный городок с казармами, складскими помещениями, гиром, баней, клубом, артиллерийским парком и... памятником основателю крепости – Петру Первому. (В 1946-м году памятника не было. Его, по слухам, сдали на металлолом).

Как и тебе, Михаил Федорович, в 1946-м году мне предоставляли возможность демобилизоваться из Армии. А куда ехать? Домой? И что там меня ждет?

Решил остаться на сверхсрочную службу. Став таковым, обосновался вместе с начальником артиллерийской бригады в отдельном домике (теперь его нет) недалеко от парка Мон-Репю, получив при этом возможность посещать в свободное время выборгские парковые, созданные природой и человеком, райские места – замки, памятники, беседки, аллеи... Ими в своё время наслаждались высшие власти Финляндии, поэтому тот парк называли парком Миннергейма. Тогда он сохранялся еще в первоначальном виде. С нашим приходом его стали переделывать на советский лад – под Парк Отдыха для трудящихся. Появились танцплощадки, киоски, буфеты, разрешалось ходить, где вздумается, и, как следствие, появились пустые бутылки, газетная бумага, окурки, пачки из-под папирос и прочий мусор – парк стал хиреть и терять былую красоту.

Город Выборг в личном плане стал для меня особой вехой в жизни. Поскольку гражданское население при занятии города нашими войсками не было, его стояло срочно заселять, и первыми поселенцами стали граждане близлежащих областей, а также люди, лишённые права проживать в Ленинграде, коими были все, кто побывал в фашистской неволе, военнопленные и неблагонадежные граждане, отосланные на сто первый километр. Появилась молодежь, которая по субботам и воскресеньям приходила в наш клуб на танцы – жизнь стала приобретать осмысленность, предначертанную природой, с потребностью налаживать нарушенные войной в течение пяти лет, а для некоторых и больше, взаимоотношения между парнями и девушками.

Я не был исключением. Мне в большей степени, чем кому бы то ни было, при наличии собственного жилья, представилась возможность чаще общаться с прибывшими гражданскими лицами: недалеко от моего жилья жила семья, куда частенько приезжали девушки. Что их роднило – не знаю, но именно там я познакомился с Надей, как впоследствии оказалось, прибывшей из Германии и не имевшей права прописываться в родном Ленинграде, где проживали её родные. Работала она в карьере по добыче и дроблению гранита. Забегая вперёд, скажу, что наши пути с ней разошлись – я уехал на учёбу в Ленинград, куда она, сменив с моей помощью фамилию, тоже вернулась к родственникам, но встреч уже не было.

Выборг почти не пострадал от военных действий, лишь восточная часть его, откуда наступали наши войска, имела разрушения, да железнодорожный вокзал с рынком носили следы штурма.

Уже тогда по узкоколейке ходил уличный трамвай. Меня удивляла его способность карабкаться вверх от крепостного моста на гору, а потом спускаться, поворачивая влево – к замку Анны и рынку. Здесь он останавливался, потом уходил вправо, минуя крепостной мост, по главной улице параллельно парку. Его маршрут был самым длинным – от восточной части города до западной. Начали работать магазины, банк, баня, рынок, кинотеатр с самой лучшей по тем временам акустикой.

Мой склад находился на батарейной горе. В него, глубоко в гранитную скалу, мог свободно проходить грузовик. Здесь всё предусматривалось для безопасного хранения боеприпасов. На той горе располагался и домик моего начальника, капитана Симон. По долгу службы, контактируя с располагавшимися в городе семьями военнослужащих, я неплохо узнал город, а летом 1946 года даже выехал в Бобичино для обустройства летнего лагеря, куда впоследствии на постоянную дислокацию переехала 45-я стрелковая дивизия.

Будучи заведующим отделом, имел связь с писарями – ОВС, Иваном Павловичем Федоровым; ПФС; строевого отдела, начфинном, который доверял мне принимать от семей офицеров оплату за продукты с воинского склада, и другими начальниками служб. Признаюсь: дело своё знал и освоил неплохо – тогда офицеры обращались по каким-либо вопросам к моему начальнику, он пересдиресовывал их для решения ко мне, потому как начальники часто менялись и не успевали выкинуть в суть дел – мне приходилось брать на себя ответственность.

В 1947 году получил от бывшего сослуживца Фурцева Николая, поступившего годом раньше в Военно-политическое училище, письмо с предложением поступить туда же и мне. Я согласился рискнуть. Контингент поступающих в подавляющем большинстве представлял бывших армейцев с образованием в редких случаях 8-10 классов, поэтому программа обучения предусматривала изучение не только военных дисциплин, но и общеобразовательных предметов.

К тому времени в армии ввели Институт комиссаров, и училище начало готовить замполитов подразделений, библиотекарей, заведующих клубами. Особое внимание уделялось физическому воспитанию будущих офицеров. Дело доходило до того, что командир роты, капитан Боровков, вручал увольнительные возле перекладины лишь после того, как претендент подтянется не менее 9 раз. А в город сходить хотелось, вот и приходилось некоторым самостоятельно после отбоя тренироваться в подтягивании на перекладине. У меня таких проблем не возникало – по многим видам спорта в течение всей учёбы имел 3-й разряд: по лёгкой атлетике, лыжам, плаванию. Победителям вручали особые значки: зелёного цвета – за 3-й разряд, синего – за второй, красный – первоурядникам. В 1949 году на соревнованиях я стал чемпионом военного округа по лёгкой атлетике.

В то время проводились общегородские спортивные соревнования. Модным маршрутом считался кросс со стартом и финишем на Дворцовой площади. По условно эстафеты, от каждого

учебного заведения должны были принимать участие и девушки, а их у нас не было. Приходилось прибегать к помощи работниц фабрики имени Горького. У них не было парней – училище делегировало курсантов, которые поддерживали их честь, выступая за фабрику, а они выручали нас.

Училище располагалось на Съездовской линии напротив Сокольевского сада, в здании, где когда-то обучались кадеты. Мы были молоды, хотелось побывать в городе, посмотреть архитектуру Северной Пальмиры, побывать в театре, выйти из стен казармы на встречу с девушками. В субботу и воскресенье в фойе училища проходили танцы, желающих было много, особенно девушек, но вход был только по пропускам. Курсанты в субботу относили на проходную заявку для выдачи пропусков знакомым подружкам. Во время танцев в их присутствии на время забывались трудности армейской «лаптки». Проводив их до гардероба и главного входа, становилось грустно на душе – снова приходилось возвращаться в казарму и с высоты третьего этажа смотреть в окошко на свою, удаляющуюся по первой городской линии, машущую ручкой, знакомую девушку. Они это знали и тоже грустили.

Многие курсанты обзавелись женами, еще не представляющими, куда придется им ехать после распределения, какая ожидает их жизнь – ничто в тот момент не огорчало нас, и будущее никем из нас не учитывалось: природные естественные чувства были сильнее всяких опасений. Сомнения – «или-или» – сами по себе отпадали. В числе таковых был и я...

Участие в различных соревнованиях на первенство училища, в спартакиадах города, района, за фабрику Горького и в других массовых мероприятиях сыграло для меня немалую роль в дальнейшем при распределении. Включенных в команду содержали на особом режиме. Занятия в этот период они не посещали, а готовились по программе начальника физподготовки майора Одинова и капитана Зайцева, что, естественно, отражалось на качестве знаний по основным учебным предметам. Но распределение после окончания училища происходило в соответствии с полученными спортивными разрядами: по первому – куда пожелаем, по второму и третьему – желания не учитывались. Приоритетными военными округами считались Киевский, Московский, Одесский и, конечно, Ленинградский. Основной мотив – ближе к дому...

...1950 год – полные штаны радости!!! Госэкзамены сдали!!! Училище окончено!!! Конец казарменной жизни! Конец муштры! Конец «отбой-подъёму», передвиженно строем, ожиданию увольнительной – на погонах появились две звездочки с одной полочкой. Хотелось какой бы то ни было свободы – за три года мы подустали, превратились в роботов. К тому же многие обзавелись семьями...

За заслуги по защите престижа училища в спорте по первому разряду я выбрал Киевский военный округ. Думаю, что кое-кто из выпускников мне позавидовал, хотя мне было абсолютно безразлично, куда направят. Обменялись друг с другом фотографиями, получили общепринятый смонтированный с портретами начальни-

ков курсов снимок взвода, переночевали последний раз в казарме, и со шлемным сердцем, захвав по пути домой в родную деревню, я попадаю в столицу ридной Украины – город Киев... Сказали:

– Направляйтесь в Конотоп, в 115-й корпусной артиллерийский полк заместителем командира батареи по политической части.

Командовал батареей лейтенант Загуровский, полком – полковник Асотуров. Первая забота – найти жильё. Конотоп напичкан воинскими частями до предела (1950 г.) – штаб корпуса, полка, зенитные части, немало офицеров с семьями, причём каждый стремился иметь жильё поближе к своей части. Но мне повезло: командир батареи посоветовал посмотреть квартиру там, где он сам снимает её.

Низенький побелённый домик под соломенной крышей и маленькими окошками великолепно мог бы служить прототипом к любой повести Н.В. Гоголя. Наша комната едва вмещала полутораспальную кровать, столик и плиту. В огороде имелось примечательное архитектурное сооружение для общего пользования в виде конуса из кукурузных стеблей – тебя не видно, но ты, сидя, видишь всех.

Конотоп не пострадал от войны. Говорили, что жители с восторгом встречали немцев, въезжавших в город чуть ли не на белом коне. Он – городок районного масштаба, односторонний для многих районов и областей Украины, с главной улицей-проспектом имени Шевченко – трамвайной линией от вокзала до конца города, с базарной площадью, заводом Лепсе и всеми административными службами...

Пять лет тяжело жилось на маленькое лейтенантское денежное содержание... На всём, как могли, экономили, точнее, всё просчитывали – учились жить семейной жизнью... Платили за «квартиру», за топливо в виде угля, а особенно трудно обогреть дело с дровами. Купим, бывало, гуся за 25 р. на рынке, делим на 7 частей по количеству дней недели, а осенью поросёнка на две семьи, на том и экономили. Дрова привозили с берегов Днепра по возвращении с летних учений. Если приходилось уезжать в лагерь – уплати за квартиру за пять месяцев вперёд, иначе осенью придётся искать её заново. Еще хуже обстояло дело с жильём в летних лагерях – каждый офицер строил себе глиняную хату из веток лозы, типа мазанки. Хитрили, пристраивая её к стене ранее построенной хибары, приходилось в этом случае возводить не четыре стены, а только три. Те, кто приезжал в лагерь не первый раз, уже имели свои «дворцы», а же приехал впервые, да еще с семьёй. В начале мая погода не баловала нас – пришлось проявить немало смекалки в строительном деле, чтоб уберечься от холода. А что делать? Пристроился к боковой стенке старшинского домика, связав четыре столбика жердями (всё это надо было заготовить ночью воровским методом), переплёл сие творение ветками лозы по принципу плетения корзины, обмазал глиной, крышу и потолок смастерил из рубероида, и жильё приняло хозяев. Размеры

«дворца» соответствовали длине кровати, а маленький самодельный столик прикрепил к стене, окошком служило вмазанное в неё стекло, дверью – солдатская плащавидка, кухня и умывальник – на улице меж сосен. И туалет там же.

В подразделениях постоянно проводились занятия с выездом в составе батареи на артодигон, два раза в неделю проводились полтзанятия по два часа, да тренировки на винтполитоне... да... и т.д. – без выходов и без отдыха. Кроме перечисленных забот, мне приходилось содержать политико-просветительную комнату и оформлять её в соответствии с происходившими событиями в стране и лагере. Здесь, в лагере, офицеры занялись освоением антодела – по приказу Минобороны каждый офицер должен сдать на права водителя. Апофеозом лагерной жизни (он находился на левом берегу Днепра, почти напротив Конево-Ржищевского лагеря, куда выезжала артиллерия Киевского округа) служили инспекторские проверки и всеармейские артиллерийские состязания. На них в 1955 году представлялась и моя батарея. Состязания – это целый комплекс условий: совершить марш к месту получения задачи с осмотром личного состава, техники, экипировки. Затем снова марш с занятием огневой позиции и боевыми стрельбами, да и на марше предлагалось совершать вводные маневры – «танки справа, танки слева», а наши 100-мм пушки не так-то легко перевести с походного в боевое положение за определённое время.

В тот раз наша батарея заняла первое место. Тогда было правило награждать личный состав, в том числе и офицеров, но мне не повезло – не получил награду по случаю отъезда на новое место службы – на Дальний Восток.

В один из рабочих дней подошёл ко мне секретарь парторганизации майор Родионов с неожиданной для меня «радостью»: – Требуется заменить двух замполитов подразделений в одном из гарнизонов на Дальнем Востоке. Выбор пал на вас.

Из девяти политработников некоторые уже побывали в тех местах, кто-то не мог ехать по состоянию здоровья. Мне тоже предложили пройти медицинскую комиссию с тем, чтобы чем-то мотивировать отказ, но я этого не сделал, согласился.

Армейские сборы коротки – «добра» еще не нажал, и основной озабоченностью, направляясь в неизвестность на столь далёкое расстояние, была четырёхлетняя дочь.

Расставаться с личным составом батареи, к которому я привёк за совместную почти четырёхлетнюю службу (каждого солдата и сержанта я хорошо знал не только в силу обязанности офицера, но и чисто из человеческих отношений), построением для прощания со мною на плацу, было тяжело. Требовалось найти и сказать на прощание слова благодарности, но я не мог их произнести от нахлывавших чувств и еле сдерживался от слёз...

Итак... в путь, в край с временной разницей 12 часов, при расстоянии в несколько тысяч километров на поезде, в летнее время, при вагонной и вокзальной суете, которые начались сразу же с очередей для оформления проездных документов у военного

коменданта в пунктах пересадки, моя семья начала восьмисуточное движение к новому берегу бытия. Даже спустя много лет задаю себе вопрос: «Как могли наши жены с малыми детьми выдержать все эти трудности, сидя на вешечках в переполненных вокзалах и душных вагонах?»

Не стану описывать пережитое в пути до Владивостока. Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» при расстоянии 700 километров меж городами многое рассказал об увиденном. Я не писатель и не могу столь красочно и прoustественно поведать пережитое, хотя сей путь для нас был переломно памятен и интересен. И всё же не могу не вспомнить последние дни озера Байкал. Железная дорога тогда шла вдоль берега, на одной из станций поезд стоял долго – возможно, специально для пассажиров предоставляли возможность выйти из вагонов и бросить в озеро монеты, памятуя о примете, дающей возможность снова побывать когда-нибудь здесь. Когда возвращался – дорога шла уже значительно выше в связи с постройкой Братской ГЭС, поднявшейся уровень воды настолько, что некоторые участки дороги могли оказаться под водой, вторая встреча с чудо-озером не состоялась.

На подъезде к Владивостоку хотелось посмотреть самый длинный в стране железнодорожный мост через Амур, но была ночь, все спали.

Владивосток встретил на «Чёрной речке» громадной казармой, общей для всех прибывших семей. Города мы так и не увидели, поскольку ежедневно ждали прибытия транспорта, да и маленькая дочь не позволяла отлучаться. Наш временный «дом» располагался за чертой города, из окна виднелись заросшие кустарником сопки, где можно было наблюдать игру в любовь бессемейных, ведущих себя чрезмерно вольно офицеров. Осадок от пребывания в этом карантине остался тяжёлым во всех отношениях.

На очередном рейсе теплохода, посещающего Золотую бухту два раза в неделю, шедшего вдоль Курильской гряды по Охотскому морю мимо Сахалина к островам Итуруп и Кунашир (кстати говоря, на которые претендуют японцы вместе с островом Хабомаи, а точнее с грядой из двух десятков островов с русскими названиями Лисий, Сигнальный, Сторожевой, Шинши, Свеча, Пещерная), мы и отправились до Южно-Курильска в приспособленном для перевозки людей трюме (в трюмах имелись нары) в неведомые, самые дальние края нашей страны. Новые знакомые «экскурсоводы», общение с которыми стало необходимостью, не советовали лежать на нарах во избежание приступов морской болезни, а стараться во время качки ходить, посещать буфет на третьей палубе, соблюдать активное времяпровождение. Совёты действовали не на всех положительно – многих выворачивало наизнанку.

По выходу из Корсакова (ударение на втором слоге) – морских ворот Сахалина – встретились с Великим или Тихим океаном, который действительно был тихим при хорошей погоде, с небольшими пологими волнами и игрою касаток. Сначала чудесные животные плавали вдаль, но вскоре на большой скорости ста-

ли подныривать под корабль и выскакивать из воды на противоположной стороне его. Справа по борту, далеко на горизонте увидели полосу суши и сразу же повеселели, рассчитывая на окончание наших мучений. Это был остров Кунашир с пологими берегами, силуэт которого представлял довольно правильную геометрическую форму двойного конуса – потухших вулканов под названием Тити Яма.

Наконец в бухте бросили якорь, что означало конец пути. Мы прибыли к месту назначения – в Южно-Курильск – и тем самым создали для отдыхающих и всех населяющих остров праздничное настроение. Да и пополнение города продовольственным дополняло радость. Кроме меня на замену офицерского состава прибыло немало другого персонала – нас ждали майор Липорский и весьма бурно проявляющие радость, покидающие после трёхлетнего пребывания и приспособившиеся к житейским невзгодам на самом дальнем уголке страны счастливы.

Южно-Курильск – посёлок, но для острова, считающегося островам по величине из всей Курильской гряды, имел статус районного центра со школой, крабовым заводом, администрацией, аэродромом, штабом воинской части, магазинами, но почему-то без причала: все грузы, в том числе и людей, разгружали сетками в десантные судышки, мы их называли тонковозами. Надо было видеть и слышать крики и плач детей, ругань, суету при такой разгрузке и погрузке...

Семья Липорского ждала нас, встретила по-праздничному, а когда уезжала, предложила поселиться в их же домике на три семьи с тремя входами, познакомив с Митшкой – сибирской собакой-лайкой.

Посёлок предназначался для семей военнослужащих. Он располагался возле озера недалеко от воинской части и представлял собой ряд деревянных, отапливаемых дровами домиков, имел необходимые для жизнеобеспечения службы – школу, почту, магазин, клуб, баню, столовую для личного состава под одной крышей с казармой на два подразделения, складские помещения, штабы. Он назывался, как и озеро, – Серебряное.

Остров располагался в самой южной части Курильской гряды недалеко от японского острова Хоккайдо, разделённого проливом шириной 120 километров. Он вулканического происхождения. Вулканов там три, все – потухшие. Вулкан Менделеева всё время парит – я водил на него школьников и жён офицеров, не испытав при осмотре ничего приятного, особенно когда шли мимо струй пара, вырывающихся из его боковых отверстий.

На южном вулкане побывали и в кратере, частично заполненном пахнущей сероводородом водой, с выплёскивающимися, как при варке каши, пузырями горячей жидкости. Во время нахождения в кратере возникали страх, жуть и опасения – катаклизмы природы здесь наблюдались неожиданно и нередко, вплоть до землетрясений. Из окна моего жилища всегда виднелся парящий вулкан. Добавляли опасений и старожилы, повествующие разные

легенды, мол, остров по форме напоминает гриб и при определённых условиях он может рухнуть.

В озерах и во впадающих в него речушках водилось много всякого вида рыбы и птицы – утки, гуси. Осенью сюда заходила нереститься горбуша, и нам предоставлялась возможность, научившись добывать и готовить её, наслаждаться свежей икрой. Водились на острове медведи, лисы, зайцы, поэтому некоторые военнослужащие увлекались охотой.

Армейская жизнь порождает потребность к налаживанию более тесных контактов меж собою – у нашей семьи появились друзья: командир батареи капитан Иван Миронович Быков, врач Бергольцев, начальник артиллерии капитан Смородинов, лейтенант Власов, старшина Костенко. В дни праздников к нашей «компании» присоединялись и другие семьи.

Подробно описывать все события, происходившие в течение трёх проведённых на острове лет, нет необходимости, одно могу сказать, что они стали самыми запоминающимися и самыми лёгкими в материальном отношении: двойной оклад, двойная выслуга лет, хорошее продовольственное обеспечение, плюс природное богатство – рыба, икра, крабы. И всё же о трёх потрясениях по службе, кои пришлось пережить в Курильских краях, придётся рассказать.

Первое потрясение – упразднение института комиссаров, когда из числа трёх заместителей командиров батарей по политической части я попал в число уволенных, а что значит для семейного человека, оказавшегося на краю света, такое решение? Возможно, мне, избранному секретарём партийной организации части, повезло – оказалось наличие документа об окончании Ленинградского военно-политического училища, – оставили на прежней должности. Второе испытание на прочность выпало в ходе командировки-экспедиции по Курильским островам в их северном направлении, когда прибывший в Ю-Курильск корабль с грузом для воинских частей, дислоцировавшихся на других островах, пришлось сопровождать в составе подразделения, сформированного из 100 человек при четырёх офицерах во главе с командиром части подполковником Кобылко. Провожая мужа до пристани, жена его подошла ко мне и попросила присмотреть за ним. Я тогда не придавал значения её просьбе, тем более что он командир части, да и не понимал, как и каким образом я могу делать замечания своему командиру.

Погрузились и отчалили благополучно. Началось знакомство с командой, а оно по русскому обычаю немисливо без спиртного, тем более что все офицеры прихватили его по полной армейской фляжке – на острове официально продавались в магазинах спирт, кофяк и шампанское. Мне с командиром выделили отдельную каюту, а остальным офицерам пришлось разместиться вместе с моряками – в трюмном помещении.

На подавляющем большинстве островов посёлков не было – отдельные маленькие пограничные гарнизоны. На нашем пути был остров с рыбацким посёлком и воинской частью. Мага-

зин здесь имелся и тоже работал. Пока шла разгрузка, офицеры успели пополнить опустевшие фляжки. Я же приобрёл в том магазине книгу «Оймекона», автора не помню. Мы продолжили путь к следующему острову, и за это время офицеры, в том числе и Кобылко, «набрались» до такой степени, что вообще перестали и собираться. У офицеров имелось личное оружие и боеприпасы. Я боялся, что возникнет конфликт между командой и нашими бойцами, конфисковал оружие у своих офицеров, отдал его на хранение старшине. Эту ночь я увековечил надписью на книге: «Сия книга приобретена в «ворфоломеевскую ночь». Ну а мы с врачом Бергольцевым потихоньку размеренно дечили своего командира. Тогда никто не думал о последствиях и допущенных вольностях, не думали, что всё станет известно командованию бригады: нашёлся человек и поделился с кем-то в верхах впечатлениями о поездке по океану, в том числе и о поведении командира. Подтверждением тому стало критическое выступление командира батареи Быкова на партийной конференции соединения – мне пришлось оправдываться, защищая командира. Думаю, что без последствий для него та ночь не обошлась.

По ходу экспедиции пришлось сделать по инициативе капитана корабля остановку на острове Топорковый, получившем название в честь птиц-топорок, внешне напоминающих топорок, облюбовавших этот остров. Их мясо можно употреблять в пищу. Живут они в норах. Моряки подсказали, как можно их ловить – палкой побеспокоить птицу на входе в нору, а с противоположной стороны, на выходе из неё, поставить стоять человека, который руками в рукавицах должен схватить выскакивающую птицу, которая всегда сначала хватается клювом за руку, и рукавица тут не помешает. Мы же решили сбивать их на лету из пистолетов, и чуть было не постреляли друг друга.

Третьим испытанием стало сильное землетрясение 1957-го года. Стали разваливаться дома. В воинской части объявили боевую тревогу, технику и личный состав стали вывозить в безопасные, заранее оборудованные места. В мою обязанность входило размещение в палатках жён и детей военнослужащих на высотах рядом с посёлком. Жертв в тот раз не было.

В то же время помянутся и прекрасные тёплые летние дни, когда могли собираться компанией и проводить свободное время в непринуждённой обстановке.

В 1957 году исполнилось три года моей службы на Малой, как мы называли остров, Земле – настало время замены, и я вновь изъявил желание вернуться в Киевский военный округ.

Наш друг, пёс Мишка, провожая нас, тоже забежал по трапу в самолёт, но дётчики не разрешили взять понавившуюся и им собаку – пришлось от радости оставить не только его, но и всё «добро», нажитое за три года службы, – в самолёт много с собой не возьмёшь.

От Владивостока снова долгий путь от Тихого океана до Киева. По прибытию – вещички в камеру хранения, жить в гостинице «Красная звезда», работать – в Политуправлении, где предложили привести в порядок личные дела политработников

округа, а семья – в Ленинграде. Лишь через месяц получил назначение в Золотоношу, в зенитный полк на должность начальника клуба части. Здесь повторились те же проблемы – бедотня в поисках подходящего жилья, бытовые хлопоты, да и на работе возникли сложности – требовалось освоить фотодело, быть режиссёром, капельмейстером и даже дирижёром, нужно организовывать отдых личного состава, работать с семьями офицеров, готовить художественную самодеятельность, совершать с ними поездки в соседние подшефные колхозы.

Приезжаем однажды в село – там, в клубе, продают билеты на наш концерт, а нам категорически запрещалось брать плату за выступления. Что делать? Узнают в политотделе соединения – не сносить мне головы. Я обратился к «голове колхоза» с разъяснением, он успокоил меня, взяв эту затею на себя. Отдать должно, нас принимали хорошо, хотя до профессионализма участникам самодеятельности было далеко: единственным музыкальным инструментом был баян, а тематика нашего репертуара – военная, та, что предназначалась для воспитания солдат. После концерта голова колхоза устроил для «артистов» «чаепитие». В той хатке я тухнул основательно – добродушные хозяева стали угощать нас горилкой, и предо мной мысленно предстала картина возвращения солдат в свою часть. Пришлось накоротке экстренно провести совещание с теми сержантами, на которых можно рассчитывать – предупредил о возможных последствиях нашего поведения после такого приёма, но всё обошлось без последствий – голова поблагодарил, солдаты получили разрядку. Правда, когда остановились перед КПШ и пока открывали ворота, нашёлся «герой», фамилию даже помню – рядовой Лебедев, который выскочил из машины и пытался бежать в самоволку, но ребята сумели удержать его. Вздохнул с облегчением лишь после того, как миновали КПШ, когда проверил наличие членов ансамбля – всё и все оказались в полном составе.

В подразделениях проводили смотры самодеятельности. Основная трудность заключалась в поисках умеющих играть на музыкальных инструментах – такие оседали в частях раньше, чем попадали к нам, а условия смотра не учитывали наши возможности, требовали одного – ПОДАВАЙ таланты! С репетициями тоже возникали трудности – проводились редко и не в полном составе по причине карульной службы, да и солдаты в подразделениях относились к участию в самодеятельности болезненно – им хотелось сходить в город, а тут надо идти петь и плясать.

Особенно ценилось участие в самодеятельности жён и детей офицеров, но и тут возникала «закавыка» – их неохотно отпускали.

На смотре мне пришлось дирижировать хором, стоя спиной к залу, причём самому же приходилось запевать начало куплета, после чего хор подхватывал песню, что дало возможность капельмейстеру, члену комиссии смотра, сделать, подводя итоги, замечание, мол, «не попал в нотный ритм», я возразил, что не заканчивал музыкального училища.

Несколько необычным для армейской жизни в Золотоноше служил выезд на боевые стрельбы к Азовскому морю в район Осипенко, где тоже приходилось обеспечивать показ фильмов в летнем клубе, довольно светлом, в связи с чем на экране изображение блекло, да и результаты стрельб требовалось отражать в виде навязливой агитации.

Я был до этого в наземной артиллерии, а тут – стрельба по самолётам зеркальным способом. Командование оценило результаты стрельб хорошей оценкой, а нам того и требовалось, мол, все участники их – начальники ПФС, ОВС, начальник клуба, не говоря уже о командире батареи, соответствовали занимаемым должностям.

Много лет спустя, оказавшись в райвоенкомате, я попросил своё личное дело и поинтересовался последней аттестацией, написанной замполитом полка майором Конопля, который ничего положительного в моей службе, кроме организации спортивных соревнований и участия в них, не обнаружил. До сего времени хранится во мне неприязнь к нему. А тогда, помню, зашли мы с женой в буфет Киевского вокзала покушать, куда зашёл и майор Конопля, оказавшийся по службе в Киеве. Он подошёл к нам, ожидающим поезд на Ленинград уже гражданскими лицами, что-то сказал, чего-то пожелал, не помню, но если бы он сейчас встретился, то я бы напомнил ему о написанной им аттестации. Все двадцать лет службы в армии никогда ни от кого не чувствовал отрицательной реакции в мой адрес со стороны командования и политработников всех рангов, кроме него. И это – в благодарность за огромную разностороннюю политико-массовую работу в его части!

Хрущёвский приказ № 100 о сокращении армии на один миллион двести тысяч военнослужащих был для многих громом среди ясного неба. У каждого офицера на этот приказ возникла своя реакция в зависимости от его положения – при увольнении предусматривалось 50% содержания только тем (с учётом участия во время Великой Отечественной и службы в отдалённых местах), кто отслужил 25 лет, а тем, кто не подпадал под это положение – выплачивалось только годовое денежное содержание. Кроме того, в Москву, Ленинград, Киев, Днепропетровск и другие города можно ехать для проживания только тем, кто там родился, призван в армию или имел родственников. Согласно тому постановлению Правительства, уволенным в запас предлагалось всем городским властям предоставлять жилплощадь в течение 3-4-х месяцев после увольнения. Мне же пришлось ждать её в общей очереди 8 лет, проживая в непригодной по санитарным условиям комнате площадью 16 кв. метров семьёй из шести человек.

Офицеры, выведенные из штата и давшие согласие на увольнение из армии, ежедневно собирались в куртке около штаба соединения. Слушать обойдённых пенсионным обеспечением при увольнении, без выслуги лет, без перспективы роста или получения нового назначения, без возможности найти новую работу – было невыносимо тяжело. По возрасту им было около 40 лет. Они

оказались у разбитого корыта. Куда ехать? Те, кто уволился ранее, писали, что местные власти не очень-то радушно встречали их.

Я приехал в Ленинград и стал ждать обещанное правительством жильё, но прошёл срок – молчание. Стал писать письма в обком, глашали в Смольный, показывали мои письма с подчеркнутыми во многих местах цветными карандашами строками и отпечатались обещаниями помочь с патриотической ссылками и отпечатались в городе сложности с жильём. Надежда получить жильё рухнула. Родственники посоветовали срочно встать на общегородскую очередь. Встал. Записали. Ждал упорно 8 лет, проживая на Васильевском острове по 10-й линии в доме с окнами во двор, куда никогда не заглядывало солнце.

К счастью, на работу устроился быстро – учеником на предприятии, одновременно посещал вечерние подготовительные курсы в Ленинградском Университете. Через год по неведомым для меня каналам оказался в Институте химии силикатов Академии СССР, где проработал на разных должностях 40 лет и в 2007 году списали «на берег».

Получилось так, что мой жизненный путь состоит из двух составляющих: армия – 20 лет и Институт – 43 года. Гражданская жизнь жарко отличается от армейской. Работая среди учёных, заметил, что резко изменились взаимоотношения с сотрудниками института благотворно сказались, в лучшую сторону, на моей нервной системе. В отличие от институтской жизни с тактичными, вежливыми людьми, почтительно относившимися ко мне, армейская жизнь, где приходилось постоянно быть в «боевой готовности», с укомплектованным для боевой тревоги чемоданом, стоять на строго определённом месте среди личного состава без выходных дней, вспоминалась не с лучшей стороны. Работа среди учёных мужей, с их коллективизмом, поощрением самостоятельности, инициативы, при полной доброжелательности и взаимопомощи, позволила мне научиться мыслить, предлагать новшества для изготовления приборов и технических установок, вносить изменения в методику проведения подтверждающих тему опытов, применять рационализаторские предложения. Всё это приносило моральное удовлетворение, стимулировало творчество.

Производственная деятельность дополнялась общественной работой в партбюро, в местном комитете профсоюзам, приходилось быть не только политинформатором, но и бесценным бригадиром на летних сельхозработках в подпесных хозяйствах. Здесь многое соответствовало моему характеру, а поэтому институт стал для меня вторым домом, приносил радость, удовлетворение от возможности делать полезное дело не только руками в отделенческих учреждениях, пусть и при малой оплате, но и заниматься вместе с ними непосредственно научными разработками. Люди здесь не роптали, не уходили с работы раньше времени, а, как и я, не считаясь ни с чем, полностью отдавались творчеству и исследовательской деятельности.

В 1995 году после ухода из жизни Николая Федоровича Шевцова счёл необходимым сохранить и продолжить традиции ветеранской организации 46-й стрелковой, ордена Суворова 3-й степени Лужской дивизии. Заложённые предшественниками — генералом Кожком, Бродским, Стрижельником, Фоминим и другими товарищами — традиции оказались востребованными. Считаю, что ветераны проявляют, вспоминая боевых друзей, шагавших вместе по фронтовым дорогам и освобождавших нашу поруганную кованым немецким сапогом землю, поразительное сознание, делают нужное дело по сохранению памяти о войнах, лавших на полях сражений, и воспитанию молодёжи в духе любви к нашему Отечеству — великой России. Нам осталось совсем мало. Сердце сжимается от горечи при взгляде на фотографии участников встреч во дворце имени Газа — подавляющее большинство боевых друзей, к общей нашей печали, уже никогда не придут на встречу юбилейного ДНЯ НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ — 9 МАЯ, ставшего общенациональным праздником великого русского народа.

И подпись — Василий Яковлевич Тихонов.

Вот таково, по моему определению, чистосердечное признание советского гражданина, патриота, удивительно трудолюбивого человека, пользующегося всеобщим уважением за внимание к ветеранам и всем, кому дорога честь страны, Родины. С первых дней нашего знакомства, как я уже говорил, заметил этого чуть сутуловатого человека с быстрыми движениями, бравшегося за любое дело по устройству мест встреч ветеранов. Он всё делал сам, своими руками: заранее готовил столы и скамейки в лесу на месте гибели командира полка майора Гарькавого; добился установки на том месте памятного знака; занимал много знакомств с администрациями городов и районов в местах, где проходили бои; спонсировал публикации в СМИ материалов о героях дивизии; выступал по радио и на телевидении, установил связи с музеями и уголками Боевой Славы в школах и посёлках; выступает при открытии митингов на торжествах по случаю памятных дат и юбилеев; делает многое-многое-многое другое, что позволяет сказать, что без такого энтузиаста ветеранское дело угасло бы.

Для меня лично Василий Яковлевич Тихонов, выходец из захолустного уголка России, является олицетворением истинно русских патриотов, воинов, тружеников и граждан, на плечах которых держалась и держится Русь. Его живая, насыщенная сравнениями, шутками и афоризмами речь заставляет слушателей внимать сказанному, верить и доверять, поскольку его слово никогда не расходится с делом. Просто удивительно видеть в нём сочетание доброты, трудолюбия, скромности, тактичности, уважительности и благородства, кои и поныне устойчиво хранятся лишь в деревенской среде. И нравственные основы её, на примере моего друга, привнесённые в городскую, ленинградскую среду в сочетании с не имеющей аналогов культурой прекрасного,

неповторимого по духовности и архитектуре города, за сохранение которого мы, ветераны Первой дивизии НКВД, а впоследствии и 46-й дивизии, отдавали жизнь, силы и знания, породили сей симбиоз. К одним из таких мало кому известных замечательных ветеранов можно и нужно отнести его — Василия, сына Якова Тихонова, из Валдайского края. Он достоин доброго слова о себе, которое я позволю и позволю сказать сейчас Вам, читатель.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ТВОРОЖКОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В Петербурге у благочестивых дворян Шмаковых в 1809 году родилась девочка Сашенька. Помогая её воспитывать, бабушка сумела привить внучке любовь к христианству. С отличием окончив Смольный институт, Александра владела иностранными языками, хорошо музицировала. Позже она вышла замуж за лейтенанта Карла Андреевича фон Розе и смогла уговорить его принять православную веру, после чего он получил имя Николай. Жившую в роскоши всеобщую любимицу мирская суета тяготила, молодая красавица мечтала о домашней церкви.

В 1859 году супруги купили село Творожково и деревню Барский Дубок, находившиеся вдали от больших селений рядом с лесом и красивыми озерами. Николай Андреевич как-то предложил жене: «Если тебе суждено прежде меня умереть, то я устрою мужской монастырь, если же я умру прежде тебя, то ты устроишь женскую обитель. Таким образом, мы всегда будем помогать друг другу молитвами и не узнаем разлуки».

Александр Филиппович (фото могилы) пришлось пережить тяжёлые утраты: она рано лишилась родителей, затем в младенчестве умерла дочурка, а после простуды при заготовке леса не стало и мужа. Обливаясь слезами, вдова коллежского ассессора думала над тем, как исполнить волю Николая Андреевича. Обращалась во многие инстанции с просьбой разрешить устройство общины, но делать этого не позволяли из-за близости приходской церкви. Только милостивое соизволение Государыни Императрицы Марии Александровны в 1865 году способствовало осуществлению благотворительного намерения.

Богослужение долгое время совершалось в домовой деревянной церкви, но число монахинь увеличилось, поэтому появилась желание построить более просторный каменный храм. А.Ф. фон

Розе заложила дом в Петербурге, все свои средства употребила на устройство монастыря, но этого было недостаточно.

Около Творожково проживал юродивый Терентий Иванович (фото могилы) лет пятидесяти, которого все любили. Он часто заводил разговоры о строительстве. Как-то раз принёс Александру Филипповне, ставшей в 1866 году монахиней Ангелиной, икону Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» со словами: «Вот тебе Божию Матушку, молись. Ей и Она поможет тебе...» (эта икона до сих пор хранится в игуменской келье). В другой раз дал кошелёк с несколькими копейками: «Вот тебе деньги церковь ставить». Эти монетки настоятельница долго берегла и во время закладки храма положила под основной камень. Выбранное ею место для постройки Терентий Ивановичу не понравилось. Забив клинья, он отметил, где будет большая церковь, а где – маленькая. И оказался прав: через несколько лет по указанию архитектора начали рыть котлован под фундамент и нашли те копейки.

Задолго до этого о. Иоанн из соседней деревни Быстреево (ныне – Гаврилова Гора) однажды увидел поднявшийся от церкви Николая Чудотворца огненный столб, который, медленно продвигаясь, остановился в полукилометре. Батюшка вычитывал молитвы, думая, что возникшее явление – от вражьей силы, но столб не исчезал. Тогда священник воскликнул: «Это место благословенно от Бога! Будет Храм и святая обитель на Творожково!»

По проекту архитектора Михаила Арефьевича Шурупова (1815-1901) собор начали строить в 1875 году, а через семь лет благочинный о. Кирилл Аристовлев освятил его во имя Святой Живоначальной Троицы. Матушка Ангелина до этого знаменательного события не дожидаясь, скончавшись в 1880 году. Не стало духовной наставницы, разумной хозяйки, великой труженицы и подвижницы.

На её место назначили монахиню Георгию (в миру – Софья Снегиревская), приехавшую из Петербургского Новодевичьего монастыря. Она сама писала иконы, золотила кресты и шары на куполах. В годы её правления

были построены различные помещения: каменный келейный корпус, гостиница, многочисленные хозяйственные службы. Появилась богадельня, где жили шесть старушек. Доход с аренды земли и ежегодная тысяча рублей перечислений жительницы северной столицы М.М. Демешевой давали возможность существовать самостоятельно, не обращаясь за помощью к казне.

В 1887 году, по определению Святейшего Синода, община стала «Свято-Троицким Творожковским женским общежительным монастырем, и с таким числом монашествующих, какое по своим средствам обитель в состоянии будет содержать».

Позже Георгия вернулась в Петербург. Её сменила игуменья Арсения (в миру – Анна Баскакова), при которой здесь жили тринадцать монахинь и пятьдесят послушниц. В приюте воспитывались девочки-сироты 7-12 лет. Обучившись Закону Божьему, чтению, письму, арифметике, хоровому пению, музыкальной грамоте и различным рукоделиям, они по желанию либо возвращались к родственникам, либо оставались в монастыре. В конце 19 века был сделан большой ремонт, библиотека пополнилась множеством книг, подаренных митрополитом Исидором.

Высокий белый храм с пятью зелёными куполами украшал всю округу. Радовали глаз ухоженные сады, цветники и огороды. С 1905 года монастырём управляла игуменья Валерия. В 1906 году скончался протоиерей Всеволод Николаевский, служивший в обители с 1884 года. Его место занял священник Иоанн Тихомиров, в 1915 году переведённый в один из Творожковских подворских храмов в Петербурге.

Сохранилась могилка блаженной Ольги (на фото), к которой при жизни люди

44

из окрестных деревень приходили за советами и наставлениями. Однажды она из леса принесла в подолё муравьёв и выпустила их перед монахинями со словами: «Вот и вы скоро побегите, как эти муравьи».

С установлением новой власти православные храмы в России повсеместно закрывались. В 1928 году всех из монастыря выгнали, имущество передали коммуне «Заря». Собор остался действовать как приходская церковь, но спустя два года пленум Симаноловского сельсовета решил её закрыть. Струто-Краснецкий районный исполком согласился с ним, так как «...богослужение и колокольный звон мешают нормальному ходу хозяйственных работ». В 1931 году секретариат Ленинградского облисполкома подтвердил решение о закрытии церкви. Её велели передать под школу колхозной молодёжи, а колокола – сдать в «Рудметаллторг». Всё, что там ещё оставалось, отдали акционерному обществу Ленторг.

Своей дочери Людмиле Николаевне Анна Павловна (Васильева) рассказывала о том, что в 1929 году, когда ей было десять лет, учительница Софроногорской школы водила детей в каменный храм. Внутри никого не было, но они услышали троекратно прозвучавшее многоголосие: «Боже наш, спаси нас!» Испугавшись, все поспешили выйти на улицу. Боясь наказания, учительница попросила ребят никому об этом не рассказывать, и ученики её не подвели.

В 1932–1939 годах собор использовался под клуб, подвалы – под овощехранилище, звонница – под силосную башню. После войны от монастыря почти ничего не осталось. В 90-х годах прошлого столетия талабский старец отец Николай Гурьянов предсказал, что он будет восстановлен.

По промыслу Божьему, история женской обители земли Псковской действительно не закончилась. Нашлись добрые люди, которые в 2000 году взялись за неподъёмное, казалось бы, дело – вернуть из забвения бывшую святыню. Собирая пожертвования в Москве, монашки зашли помолиться в Иоанно-Зачатьевский монастырь. Матушка игуменья, узнав, что они из Творожково, отдала им книгу 1888 года «Монахиня Ангелина...», которую впоследствии переиздали. Приехавшим матушкам поначалу пришлось жить в бывшем клубе. Позже сёстры обустроились в старом домике. Осенью они подёрли потолок берёзовыми колымами, а в Пасху, придя домой после праздничной службы, замерли в изумлении: на

45

засохшем дереве выросли молодые веточки со свежими зелёными листочками. Это чудо простояло до Святой Троицы.

То, что в Творожково вновь засияли кресты на куполах и зазвучал колокольный звон – тоже чудо. За несколько лет на прежнем фундаменте воссоздали деревянную церковь во имя иконы «Всех скорбящих Радость», построили гостевой дом архиепископа, сестринский корпус, иконную лавку, трапезную, баню, отреставрировали часовню-башенку в честь Тихвинской иконы Божией Матери; на «острове молитвы» Дубенского озера, где случилось явление образа Пресвятой Богородицы, возвели часовню святителя Николая. Продолжается строительство кирпичной двухэтажной гостиницы для паломников, доделывается ограда из природного камня, есть планы на будущее.

Во время реставрации Свято-Троицкого собора, по словам очевидцев, с неба сошёл столб света и, разделившись на три луча, сошнулся над ним в одну точку.

Ко всеобщей радости, 5 августа 2007 года возрождённый храм удивительной красоты под божественное пение архиерейского хора был освящён архиепископом Псковским и Великолукским Епископом вместе с другими священниками. В тот солнечный день многие любовались тремя виами, долго кружившими над куполами.

На празднике присутствовали матушка Варвара, посвятившая семь лет делу возрождения монастыря; батюшка Велиамин, служивший здесь в течение нескольких лет; Юрий Волкотруб – руководитель коллектива, изготовившего керамический иконостас с позолотой и глазурью; московский предприниматель Николай Костючков, получивший из рук Владыки икону и грамоту; а также многие другие, потрудившиеся ради святой обители. Однажды Николай Дмитриевич, главного благодетеля, спросили, зачем ему это надо. Он ответил: «Будем здесь спасаться!»

Теперь у верующих людей есть возможность помолиться и зажечь свечи в творожковских храмах, приложиться к мощевнику, самообновившейся иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость», посетить дорогие православному сердцу могилы монахини Ангелины, Терентия Ивановича, блаженной Ольги... Возникает желание возвращаться в это благодатное место снова и снова.

Литература:

- Монахиня Ангелина (в миру Александра Филипповна фон Розе) основательница и строительница Свято-Троицкой Творожковской женской общины, возведённой в монастырь с наименованием его Свято-Троицким общежительным женским монастырём. – СПб., Типография и хромолитография А. Граншель, Стремянная, №12, 1988. (Репринтное издание. Епархиальный Свято-Троицкий Творожковский женский монастырь, д. Творожково, Псковская обл., 2005).
- Жизнеописание монахини Ангелины, основательницы Свято-Троицкой женской обители в Творожково. – М.: Зачатьевский монастырь, 1997.

- Яковлев Н.А. Свято-Троицкий Творожковский монастырь // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. – 1997. – Вып. 17. Ч.1 – С. 42-45.
- Константинова В., Афанасьев Е. Храм души // Струги-1994-11 июня.
- Булкин В. Троицкий храм в деревне Творожково и его автор // Струги-2007-24 января.
- Пенчерский А. «...Великий дар небесный...» // Русь державная-2007- №8.
- Герасимова Л. Православная жемчужина Северо-Запада // Струги- 2007-8 августа.

«СТАНЦИЯ ЗАЛАЗЫ. 14 ОКТЯБРЯ 1827 ГОДА»

К 210-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина.

2009 год назван годом молодежи, Гоголя и Пушкина. В нашем районе с именем Пушкина связана деревня Залазы, что находится на территории Хрединской волости. 6 июня 1999 года, в день 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, здесь была открыта мраморная плита с портретом Пушкина и надписью «Здесь, на этом месте 14.10.1827 года состоялась встреча поэта А.С. Пушкина с другом-декабристом В.К. Кюхельбекером» (на фото).

Попытаемся перенестись во времена Пушкина.

Два столетия назад на двенадцать станций, расположенных по вновь устроенной дороге, идущей через Порхов и Смоленскую и другие губернии, было послано по 20 лошадей. Это означало, что открылся новый путь. О вновь построенной дороге был издан 4 марта 1784 года указ. Он говорил о необходимости «содержания сей дороги на таком же основании, на каком содержится Нарвская дорога... дабы сия дорога в рассуждении её выгоды и близости открыта быть могла в начале нынешнего года». Проложена она была ещё в 1776 году, но в течение восьми лет устраивалась (до этого времени сообщение с западными губерниями осуществлялось через Нарву, Гдов и Псков или, реже, через Новгород). В 1787 году здесь проезжала Екатерина II из Петербурга в Крым – об этом мы узнаем из журнала её путешествия.

Со строительства нового каменного почтового двора в Новоселье начались работы по прокладке дороги на Псков, позднее тут прошло Динабургское шоссе. Сегодня на участке Ленинград-Псков оно совпадает с современным Киевским шоссе. А дорога, идущая от Новоселья на Порхов, получила название Смоленской. Проходит она по старинным Новгородским землям. Новгородские писцовые книги 15 века содержат много сведений о старинных поселениях, в том числе и о тех, через которые затем прошла дорога. Наиболее древней является книга Шелонской пятины 1498 года, составленная Матвеем Ивановичем Валуевым.

В Логовешенском погосте числится 25 деревень. Среди них: Новоселье, в котором два двора и четыре человека (считались только взрослые мужчины), Щирско – четыре двора и четыре человека. Следующие деревни Теребуни и Хредино находились на территории Павского погоста.

Деревня Залазы. Вл. Даль в «Толковом словаре» приводит несколько значений этого слова. Наиболее подходящее – «Глухой кут, закоул, скрытый уголок». Почтовая станция Залазы (типное здание на фото сверху) во времени встречи Пушкина и Кюхельбекера находилась на территории Санкт-Петербургской губернии. Вот так характеризовался этот населённый пункт статистической комиссией в 1862 году: «Залазы, Лужского уезда, 3 стан. От уездного города в 80 км. Число дворов 18, мужского пола 92, женского – 102». В ней есть почтовый двор и каменный постоялый дом. Следующая от Залаз в сторону Петербурга почтовая станция – Феофилова Пустынь. Расстояние между ними 22 версты.

Почтовые станции были основными пунктами отдыха путника и перемены лошадей в казённых и личных разъездах. Одновременно они являлись центрами доставки корреспонденции. Строились

они по типовым проектам и располагались на расстоянии 18-25 верст. Ведали ими стационные смотрители. «...Что такое стационный смотритель?»
Суций, мученик четырнадцатого класса, озражен-

ний своим чином только от побоев, и то не всегда... Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе... Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданьем...» («Станционный смотритель», А.С. Пушкин). Лошадей они выдавали согласно подорожным (подорожная А.С. Пушкина, фото внизу), в которых указывались маршрут, чин и звание проезжего. Пушкин имел сначала 13-й, а позднее 10-й класс и ему было положено выдавать только трёх лошадей. А генерал-фельдмаршал или канцлер мог потребовать 20, митрополит или архiereй – 15, генерал-лейтенант, тайный советник – 12 и т.п.

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснут минуты не дадут...
Зато зимы порой хозяйной
Езды приятна и легка...
Дорога зимняя гладка...
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают, как забор...*

А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Вне очереди обслуживались фельдгегер и курьеры. Был и преимущественный лист едущим по казённой надобности. Такой лист единожды получал и Пушкин, вероятно по знакомству. Это было, когда он ехал в Оренбург для сбора материалов о Пугачёве.

За проезд внимались деньги. За каждую лошадь в пересчёте на одну версту надо было платить до 10 копеек. Когда Пушкин ехал из Одессы в Михайловское, «на прогоны к месту назначения по числу вёрст 1.621, на 3 лошади выдано ему денег 389 рублей 4 копейки».

Скорость тоже была определена: летом – десять вёрст в час, зимой – двенадцать. Учитывая смену лошадей, выходило где-то сто вёрст в сутки. Но ямщики могли проехать двести, если это было условлено. Быстрее ездили фельдгегер (фото внизу).

Кто же такие фельдгегер?

«Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдгегером удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдгегера у нас, грешных, ничего не делается», – писал А.С. Пушкин П.А. Осиповой в 1826 году. К тому времени «грешные» не обходились без фельдгегер уже целых тридцать лет: император Павел I, едва учредив Фельдгегерский корпус, направил к новгородскому коменданту, полковнику Рехенбергу фельдгегер с высочайшим указом: «С посланным к вам фельдгегером повелеваю, арестовав, отправить сюда вашего полка

полкового командира майора Попова».

Так возникла особая функция фельдгегерей, не свойственная им по самому определению, но сохранявшаяся многие тысячелетия и затмившая собой в общественном сознании саму суть этой профессии.

Жандармская функция фельдгегерей была общеизвестна, но мало кто знал, помимо посвящённых, что жандармы из них получались не бог весть какие. И это несмотря на соответствующее «оскармивание» ещё в период «младенчества» Фельдгегерского корпуса. А.И. Тургенев свидетельствует, что во время царствования Павла I не проходило и дня, чтобы фельдгегера не провозили кого-нибудь в тюрьму или в крепость. Им приходилось быть «соглядатаями» бедствий и страданий, ибо доставка заключённых не могла не надирать сердце, особенно при перевозке так называемых «безывестных». Их помещали в закрытую кибитку, наглухо зашитую рогожей, где существовала лишь маленькая прорезь для подачи фунта хлеба (дневной рацион «странного эка») и вода – один-два раза в сутки. Фельдгегер не знал, кого везёт, – он получал сопровождаемого уже зашитым, а беседовать с ним, равно как и отвечать на его самые невинные вопросы, запрещалось под страхом смертной казни. Каждая кибитка, доставленная по назначению, прежде чем быть расшитой, тщательно осматривалась – на предмет лишних дырок, которые добавили бы воздуха несчастному узнику. Дырки, конечно, случались – трудно удержаться от милосердия к человеку, пусть и «безывестному», за что фельдгегера несли суровые наказания.

При Александре I фельдгегерская служба вернулась к своим изначальным обязанностям, чему немало способствовала международная обстановка тех лет, в частности наполеоновские походы, не миновавшие и Россию. Роль фельдгегерей в доставке секретной документации оказалась неоценимой – большое число их было награждено весьма значимыми боевыми орденами. Это, однако, не спасло Фельдгегерский корпус от возврата к жандармским функциям при Николае I. Речь идёт прежде всего о деле декабристов.

Попачалу фельдгегера сопровождали активных участников событий 14 декабря 1925 года в крепость или на допросы в Следственную комиссию, а с 21 июля 1826 года они повезли осуждённых в дальнюю дорогу. Руководствовались требованиями Николая I: «Чтобы отправление преступников к месту назначения производилось ночью и по секрету, чтобы никто из них не был посылаем через Москву, чтобы следуемые в Сибирь были отправляемы по Ярославскому тракту и, наконец, чтобы маршруты их следования не были никому сообщены».

Каждому осужденному приставлялось для охраны по одному жандармскому унтер-офицеру, а к направленным в Сибирь — по два. Везли декабристов группами по 2-4 человека. Жандармы подчинялись фельдшеру, на котором, собственно, лежала вся полнота ответственности за доставку осужденных, регламентированную инструкциями.

И уже в августе в Главный штаб полетели доносы из разных городов на «неправильное поведение фельдшерей», как то: «Провозимые фельдшерями государственные преступники останавливались на пути в трактирах. В Костроме останавливались почти все. Преступник Давыдов имел там родственников, снабжен был сам и товарищи шлафроками и другим платьем. Якубович, не удовлетворившись четырьмя рядами, потребовал еще, но ему отказали. Давыдов по болезни был раскован. Трубецкой во время его провоза через Кострому писал письмо жене своей».

Реакция Главного штаба на поступившие доносы была незамедлительной. Порядок сопровождения декабристов еще более ужесточился, а от фельдшерей по возвращении требовали письменные объяснения (в случае проступков) и официальные рапорты о поведении преступников. Жандармы, в свою очередь, давали собственные показания. А в начале декабря 1826 года Главный штаб утвердил новый вариант инструкции для фельдшерей, сопровождавших осужденных верховным уголовным судом:

«1. Поручаются тебе государственные преступники, которых привяв в крепости от господина коменданта следовать с оными в (город) прямо по назначенному тебе тракту, отнюдь не перемещая оного и не заезжая нигде в сторону».

2. Вести сих преступников каждого на одной подводке с одним жандармом, для чего получить прогоныя деньги на (количество) подвод и откомандировано с тобой (цифрой) жандармов, самому же тебе ехать сзади тако же на особой подводке.

3. Никаких особенных повозок, бричек и тому подобног, дорогою, ни для себя, ни для арестантов не заводить и ни от кого не принимать.

4. На продовольствие арестантов получить ты кормовые деньги по 50 копеек на человека в сутки, которые им в руки не отдавать, а иметь у себя.

5. Отнюдь не останавливаться дорогою нигде в трактирах, харчевнях и тому подобнх заведениях и ни под каким предлогом в оные не заезжать, особенно в городах, а стараться доставить нужную на продовольствие пицу на самих станциях, позволяя преступникам употреблять что только необходимо нужно будет для поддержания сил и здоровья, но избегая всякой роскоши и излишества, как-то больших обедов, употребления шампанского и других виноградных вин.

6. Дорогою нигде не допускать ни под каким предлогом свидания с арестованными и разговоров, а также принимать от посторонних людей пособия.

7. Не позволять им нигде никаких писать записок, писем и во-

обще какого бы рода ни было письменных бумаг; равно и на имя их таковых ниоткуда не принимать.

8. Никому не скрывать, кого и откуда препровождаешь.

9. Если кто из арестантов заболел, то оставлять такого тогда только, когда предвидится, что не можно будет довезти до места назначения без опасности для жизни. В таком случае буде нельзя достигнуть города, то оставить оного в ближайшем по удобности месте, но не иначе как с одним жандармом, и при проезде через губернский или уездный город известить о том местное начальство для принятия нужных мер как для попечения в оном, так и для надзора.

10. В случае приключившейся арестанту какой болезни, по которой не нужно будет оставлять его на пути, позволяется тебе по усмотрению необходимости расковать его, но вместе с тем усугубить над ним надзор, когда же он получит облегчение, то иметь заковать его по-прежнему.

11. Во всяком неожиданном случае, если потребует нужды, как равно при затруднениях при получении подвод просить помощи со стороны местного начальника по открытому предписанию, которое тебе дано будет.

12. По доставлении арестантов к месту назначения сдать их (наименование адресата) и самому с жандармами отправляться обратно».

Инструктировать фельдшерей перед отправкой на маршрут стал сам военный министр Татищев, что безусловно поднимало ответственность за соблюдение порядка.

Фельдшеря везли декабристов из Петербурга в Сибирь в течение всего 1827 года, да и в последующем приходилось этапировать их в связи с изменением мест наказания. Так что, можно сказать, они «срослись судьбами», никто из государственных служащих не общался с декабристами в «неформальной обстановке» долее, чем фельдшеря, никто не облегчал так участи осужденных.

Архивы свидетельствуют о многочисленных нарушениях фельдшерями требований инструкции, и справиться с этим не помогли даже «хитроумные» меры. Сопровождать декабристов назначали бывших лакеев, парикмахеров, чистильщиков серебра, работавших при императорском дворце и зачисленных в Фельдшерский корпус не ранее 1823 года. Эти люди, по миссии военного руководства, были, во-первых, более преданы царю и инструкциям, во-вторых, преисполнены гордости от нового своего статуса, в-третьих, едва начав, горели желанием выслужиться. Офицеров же к этой работе не привлекали, опасаясь, что они найдут общий язык с декабристами. Более того, многих из них, в особенности участников Отечественной войны 1812 года, вообще уволили из Фельдшерского корпуса.

В хитроумных планах не был учтен всего один, зато весьма важный момент — извечная русская жалость к этапиремым, которые звались в простонародье не иначе как «несчастные».

В николаевскую эпоху всё, что касалось работы фельдъегерей, составляло государственную тайну, а в дальнейшем, когда фельд-связь освободилась от несвойственной ей жандармской функции, было сочтено за благо вообще не упоминать о таких фактах ради «тишдаж» фельдъегеря. Что привело, как и всякое умолчание, к обратному результату.

Встреча Пушкина с лицейским другом, поэтом-декабристом В. К. Кюхельбекером, происшедшая 14 октября 1827 г. на почтовой станции Залазы, широко известна как факт в биографии поэта. Для ее описания используются сведения из трех источников: дневниковой записи Пушкина, рапорта фельдъегеря и писем В.К. Кюхельбекера.

Основным источником является дневниковая записка Пушкина, которую он сделал на станции Лута на следующий день после встречи.

«15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечательен. Приехал в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате не достало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаимы 200 рублей и уехал, очень доволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова „Духовица“, но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. „Вероятно, полдяки?“ — сказал я хозяйке. „Да, — отвечала она, — их нынче отвозят назад“. Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись, у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой малодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид — я и принял его за жиду, и перазлучные понятия жиду и шпиона произвели во мне обыкновенное действие, я поворотился к нему спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для допросов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательствами — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же? Луга».

Полностью дневниковая записка была опубликована в России в 1881 г.

Рапорт фельдъегеря Подгорного, написанный сразу же по возвращении в Петербург из этой поездки и поданный дежурному генералу Главного штаба:

«Господину дежурному генералу Главного штаба его императорского величества генерал-адъютанту и кавалеру Потанину от фельдъегеря Подгорного

РАПОРТ

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург; некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наиспешнее отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подарочной и заплатил прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распротиться с другом, так и дать ему на дорогу денег, сверх того не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между угрозами объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом, а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет 28 октября 1827 года».

Впервые рапорт фельдъегеря Подгорного опубликован в № 93 от 15 марта 1861 г., в VI книге «Полярной звезды». В России рапорт фельдъегеря Подгорного впервые опубликован в журнале «Русская старина».

Письма В. К. Кюхельбекера, как информационный источник, слабо отражают фактическую сторону встречи, но, тем не менее, колоритно высвечивают облик самого Кюхельбекера в этот момент и хорошо передают душевное состояние автора в момент написания письма. Письма эти Кюхельбекер писал Пушкину из Динабурга, первое 10 июля 1828 г.: «Свидания с тобой, Пушкин, век не забуду» и через два года второе — 20 октября 1830 г.: «Любезный друг Александр! Через два года наконец опять случил писать к тебе: часто я думаю о вас, мой друг; но увидеться с вами надежды нет; от тебя, т.е. из твоей московской деревни до моего Помфрета, правда, недалеко; но и думать боюсь, чтобы ты ко мне приехал... А сердце голодно: хотелось бы хоть взглянуть на тебя! Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическим: мою бороду? Фризуюю шинель? Медвежьею шапку? Как

ты через семь с половиной лет мог узнать меня в таком костюме?
Вот чего не постигаю!»

И вот найден еще один документ, относящийся к встрече Пушкина и Кюхельбекера, который существенно дополняет наши представления о ней. Датирован он 14 октября 1827 г., т. е. днем встречи на станции Залазы.

Унпков Петропавловской крепости в 1826–1827 гг. везли в сибирские рудники, на Кавказ, в богом забытые армейские гарнизоны, в дальние и ближние крепостные казематы. Среди прочих предписаний получил комендант Петропавловской крепости и также: «Отправить в Кексгольм 27 июля 1826 года Кюхельбекера, Поджио, Вадковского». Девять долгих месяцев томилась декабристы в Кексгольмской крепости. Затем их отправили в Шлиссельбургскую крепость. Об этом свидетельствует рапорт коменданта Кексгольмской крепости: «Содержавшихся в башне Кексгольмского шлюса каторжных преступников Кюхельбекера, Поджио и Вадковского с нарочно присланным за ними фельдшером Новиковым и тремя жандармами 24 числа в Шлиссельбургскую крепость отправил 30 апреля 1827 года. Кексгольм».

В тот же день, 24 апреля 1827 г., когда одного поэта, официально именуемого «государственным преступником», с фельдшером и жандармами перевозили из крепости в крепость, другой поэт, уже ставший гордостью России, по всем понятиям и законам Российской империи свободный верноподданный, полгода назад «прощенный» лично государем, сидел над письмом к шефу жандармов Бенкендорфу: «Милостивый государь Александр Христофорович, семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге; приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства. Москва, 1827. 24 апреля».

В октябре 1827 г. Пушкин находился в Михайловском. 13 октября он выехал в Петербург, где кроме других неотложных дел предстояла встреча с лицезетями, которая традиционно проводилась 19 октября. В этом году для Пушкина лицейская годовщина началась не 19-го, а 14 октября, и не в Петербурге, а на глухой почтовой станции Залазы.

13 октября 1827 г., когда Пушкин выехал из Михайловского в Петербург, фельдшер с жандармами повезли Кюхельбекера из Шлиссельбурга в Динабург.

В дневниковой записи Пушкина нет прямого указания на то, что встреча с Кюхельбекером произошла на почтовой станции Залазы, но в первой части записи Пушкин пишет: «Приехав в Боровичи в 12 часов утра...». Вторая часть начинается словами: «на следующей станции...». В 23 верстах от дер. Боровичи в сторону Петербурга «следующая станция» – Залазы. Эту же станцию называет в своем рапорте фельдшер. Кроме Боровичей, названных Пушкиным, и Залазы в дневниковой записи говорится еще об одной почтовой станции: «На следующей станции, – пишет Пушкин, – узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, – но куда же?» Следующая от Залазы в сторону Петербурга почтовая станция – Феофилова Пустынь. Расстояние между ними 22 версты. Ответ на вопрос: «но

куда же?» – Пушкин получил год спустя, когда нарочный из Динабурга передаст ему письмо Кюхельбекера от 10 июля 1828 года.

Руководствуясь записью Пушкина, можно предположительно назвать и время встречи. В Боровичи Пушкин приехал «в 12 часов утра», «обедая», наблюдал, как проекий «метал банк гусарскому офицеру», «поставил на карту» 5 рублей и «карта за картой проиграл 1600». В Боровичах Пушкин пробыл не менее часа, а это расстояние в осеннее время менее чем за два часа едва ли возможно. Учтем еще одно обстоятельство – световой день 14 октября по старому стилю заканчивается в 17 часов, а ни Пушкин, ни фельдшер не отмечают наступившей темноты или сумерек. Исходя из вышесказанного, с наибольшей долей вероятности можно предположить, что встреча произошла около 16 часов.

Вторая часть дневниковой записи позволит установить количественный состав участников встречи: Пушкин, Кюхельбекер, фельдшер. Нетрудно назвать и других участников, но количество их неопределенно: «один из арестантов» (сколько было всего арестантов?), «жандармы нас растащили» (сколько было всего жандармов?). Обратимся к рапорту фельдшера: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками...»; «Я, видя сие, наипоспешнее отправил как первого, так и тех двух». Значит, кроме Кюхельбекера были еще два арестанта, два свидетеля последней встречи лицейских друзей.

Один из пунктов наставления «О порядке отправления государственных преступников...» гласит: «...иметь при каждом преступнике одного жандарма и при каждом четверых одного фельдшера». Теперь вспомним еще одну фразу Пушкина из дневниковой записи: «...как вдруг подъехали четыре тройки с фельдшером». При перевозке из крепости в крепость декабристов, как правило, везли каждого на отдельной тройке. Фельдшер имел отдельную от арестантов тройку. Следовательно, Пушкин видел, как к почтовой станции Залазы подъехали три тройки с арестантами и четвертая – фельдшерская. Значит, Пушкин и Кюхельбекера растаскивали три жандарма.

Итак, число участников и свидетелей встречи на станции Залазы: А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, фельдшер П. Г. Подгорный, три жандарма и два арестанта, ехавшие вместе с Кюхельбекером. Естественно, возникает вопрос: кто они? Ответ на этот вопрос даст найденный документ, адресованный министру юстиции: «Осужденных Верховным уголовным судом в каторжную работу государственных преступников Василия Давова, Василия Норова и Вильгельма Кюхельбекера государь император высочайше повелел отправить вместо каторжной работы в крепостные арестанты, первых двух – в Бобруйск, а последнего – в Динабург. Сделав об исполнении сей высочайшей воли надлежащее распоряжение, имею честь сообщить об оной к сведению вашего сиятельства. Начальник Главного штаба барон Дибич. 14 октября 1827 года».

Подгорный в своем рапорте пишет: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург...». Дату отправления фель-

дверца «с государственными преступниками» из Шлиссельбурга уточняет рапорт коменданта крепости дежурному генералу Главного штаба генерал-алютанту Потапову от 13 октября 1827 г.: «Во исполнение предписания вашего превосходительства сего октября от 12, за № 196-м известной высочайшей государя императора вали, содержащихся в Шлиссельбургской крепости государственных преступников Дивова, Норова и Вильгельма Кюхельбекера, для доставления вместо каторжной работы в крепостные арестанты, первых в Бобруйск, а последнего в Динабург; фельдшеру Подпорному село числа соданы, о чем вашему превосходительству честь имею донести».

Итак, свидетелями встречи были декабристы Василий Сергеевич Норов и Василий Абрамович Дивов. Кто же они?

Василий Сергеевич Норов (на фото ниже) принадлежал к поколению декабристов, принявших участие в Отечественной войне 1812 г. Осужден он был по второму разряду. Находясь в Бобруйской крепости, В.С. Норов написал книгу «Записки о походах 1812 и 1818 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя». Брат декабриста Авраам Сергеевич (впоследствии министр народного просвещения) в 1834 г. издал эту книгу (по известным причинам без имени автора). Можно предположить, что Пушкин видел книгу В. С. Норова и, возможно, даже имел в своей библиотеке, так как у него были тесные библиофильские связи с Авраамом Сергеевичем Норовым, с которым он был хорошо знаком с послепетлицеских лет и до конца своей жизни. Есть упоминание об отдаленном родстве Пушкина и Норовых.

Контакты Пушкина с А.С. Норовым и другими членами этой семьи дают основание предполагать и его знакомство с В.С. Норовым.

В Бобруйске Норов находился до марта 1835 года, затем он – рядовой 6-го Черноморского батальона. На Кавказе Норов встречается с другими сосланными туда декабристами. От службы Норов уволен в январе 1838 года. Первое время он жил в имении отца – селе Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии. Позднее В.С. Норов переселился в Ревель, где и умер 10 декабря 1853 года.

Василий Абрамович Дивов (на фото ниже), мичман Гвардейского морского экипажа, принадлежал к революционно настроенному декабристскому обществу, созданному в Гвардейском морском экипаже. На Сенатской площади мичман Дивов проявил мужество и хладнокровие. Арестованный на следующий день после восстания, первые показания он дал только в конце января 1826 года. Затем под влиянием священника Дивов дал откровенные показания, нашедшие многим его товарищам.

Отвечая на вопрос Следственной комиссии: «Откуда заимствовали вы свободный образ мысли?», Дивов написал: «От сочинений рукописных, оные были свободные стихотворения Пушкина и Рылеева». Интерес к поэзии у Дивова был устойчивый – В.С. Норов писал из Бобруйской крепости своей матери, чтобы она прислала Дивову «книжки по русской поэзии». Сообщал ей Норов и о том, что жить Дивову трудно, так как родные забыли его, и просил послать Дивову «еще 300 рублей», якобы от его московских родственников. Знал о тяжелом материальном положении Дивова и Кюхельбекер. Рассчитывая, что Пушкин издаст его поэму «Зоравалец», он в письме к сестре от 22 июля 1832 г. просит гонорар за эту поэму распределить между его братом Михаилом и Дивовым.

Осужденный по первому разряду, Дивов лишь в начале 1840 года из одиночной камеры Бобруйской крепости был переведен в действующую армию на Кавказ. Но солдатская лямка была ему уже непосильна, так как сырьем крепостных казематов основательно подорвала его здоровье. Товарищи-декабристы, находившиеся в то время на Кавказе, всечаски старались помочь ему, но их усилия оказались тщетными, и 9 февраля 1842 года Дивов умер.

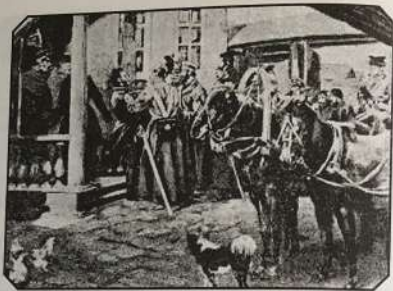
Осужденный по первому разряду, Дивов лишь в начале 1840 года из одиночной камеры Бобруйской крепости был переведен в действующую армию на Кавказ. Но солдатская лямка была ему уже непосильна, так как сырьем крепостных казематов основательно подорвала его здоровье. Товарищи-декабристы, находившиеся в то время на Кавказе, всечаски старались помочь ему, но их усилия оказались тщетными, и 9 февраля 1842 года Дивов умер.

Художники и встреча А.С. Пушкина и В.К. Кюхельбекера на станции Залазы.

На данный момент мы знаем три картины, написанные на тему встречи лицейских друзей: «Встреча Пушкина с Кюхельбекером на станции Залазы» – картина работы Н.И. Шестопалова (1936 года. Находится в музее А.С. Пушкина в г. Пушкине), «Встреча Пушкина с Кюхельбекером» – работа А. Трескина (1937 год. Находится в краеведческом музее г. Лути ?), «Встреча Пушкина с Кюхельбекером» – картина работы С.А. Петрова (1939 года. Находится в Министерстве культуры РФ).

Николай Иванович Шестопалов.

Картина художника Н. Шестопалова «Встреча Пушкина с Кюхельбекером на станции Залазы» написана в 1936 году. Много лет работал над темами из жизни Пушкина Н. И. Шестопалов. Художник шаг за шагом изучал жизнь своего любимого писателя, а потому в большинстве своих работ не пренебрегал ни в чем против правды исторической. Экспрессивен он, когда затрагивает такой сюжет, как «Встреча Пушкина с Кюхельбекером». Все подлинные историко-биографические реалии присутствуют на картине: вот крепкие откормленные тройки с фельдшером и жандармами, сопровождающие арестантов, с крыльца сбегает сам Пушкин... Композиционным ядром, центром всего построения картины является группа из нескольких человек: слева – только что подошедший Пушкин, справа – человек, к которому он устремляется.

Анатолий Владимирович Трескин родился в Петербурге 11 апреля 1905 года. В семье не было большого достатка. Работал только отец Владимир Дмитриевич, он был чиновником потариальной конторы. Мать, Елизавета Петровна, добрая, мягкая женщина, занималась домашним хозяйством. У Толи появились братишка и две сестрѣнки. Толя рано проявил способность к рисованию. Пока он делал зарисовки карандашом, домашние не обращали на это особого внимания. Но однажды он сделал рисунок акварелью местности, где они жили. Дедушка был первым, кто поверил в талант внука.

Из-за голода пришлось переехать жить в село Старая Зиньевка в бывшее имение графини Толстой. Здесь, в деревне, увидел собрание замечательных картин старых мастеров, испытал сильное влечение к серьезной, глубокой живописи. В 1921 году поступает работать на Сибирский патронный завод художником-декоратором. Поступает в художественно-промышленный техникум при Академии художеств. Наряду с живописью занимается реставрацией, мозаикой.

Сейчас трудно сказать, что послужило непосредственным толчком к созданию Анатолием Трескиным картины «Встреча Пушкина с Кюхельбекером». В художнике с детства жило чувство сильнейшей любви и привязанности к пушкинской поэзии. Уже в ранних рисунках мы встречаем наброски лица поэта. С давних пор на стене комнаты Анатолия Владимировича висела копия посмертной маски Пушкина. Вдохнуть жизнь в это лицо, решить завещанную мечту – воссоздать образ любимого поэта.

Так вышло, что из всех возможных сюжетов художественная память подсказала тогда одну сцену, но такую, которая поразила

творческое воображение и увлекла, захватила фантазию художника, – встреча Пушкина с Кюхельбекером.

...Октябрь 1927 года. Маленькая станция Залазы. Пушкин на пути из Михайловского в Петербург внезапно сталкивается со своим старым лицейским другом, поэтом-декабристом Кюхельбекером, которого переводят из одной тюрьмы в другую.

Художник почувствовал, что эта картина могла бы взволновать и зрителя. Образы товарищей-лищестов – в центре картины. Для

Кюхельбекера автору картины позировал двоюродный брат художника.

«Очень похож был, – рассказывал Анатолий Владимирович. – Карие глаза. Темный, каштановый пест волос. При создании образа Пушкина помогли его портреты, сделанные мастерами прошлого века, особенно Тропининым. Приходилось выискивать каждую деталь. Ходил в музей зарисовывать костюмы жандармов, фризную арестантскую шинель. Много раз делал зарисовки борных, так как они понадобились по сюжету в картине». Нужно было изобразить на картине ворота на почтовой станции. Художник нарисовал их такими, какими мысленно их представлял себе. И только позднее, проезжая как-то под Ордежейко, увидел перед одним из домов старые заржавевшие ворота и калитку, очень похожие на те, что он изобразил на картине. Творческое воображение не подвело.

Два месяца напряженной работы, и перед первыми зрителями предстало замечательное полотно.

...Пушкин сбегает со ступеней крыльца почтовой станции, движения его стремительны, порывисты, руки раскрыты в желании обнять друга. Один шаг отделяет его от закованного в кандалы и уводимого жандармами Кюхельбекера. На лицах у обоих и радость, и грусть, и отчаяние. Какая-то острая деревенская старушка с явным сочувствием следит за этой встречей. С некоторым страхом смотрит на них с крыльца барин в цилиндре и огромной темной шубе, а из-за него выглядывает мальчонка с живыми гла-

зами: он ещё не всё понимает в происходящем, но запомнит эту картину на всю жизнь.

На полотне передан неяркий день поздней осени, грязная, раскисшая дорога с перстовыми полосатыми столбами, уходящая далеко в российские просторы...

Четыре дня спустя после этой встречи Пушкин пошлёт свой ободряющий привет двум лицейским друзьям – Кюхельбекеру и Пущину:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю мужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Зрители тепло встретили эту картину. Она не раз экспонировалась на выставках. После её создания Анатолий Владимирович Трескин был принят в 1939 году в члены Союза советских художников.

Сергей Алексеевич Петров (1911-1977) родился в городе Ельце Орловской губернии. После обучения в художественно-промышленном техникуме Ленинграда поступил во Всероссийскую Академию художеств. Учился у В.И. Шухаева, Р.Р. Френца, Н.Э. Радлова, в мастерской одного из крупнейших педагогов-реалистов Д.Н. Кардовского.

В 1939 году Государственной комиссии представлена картина «Встреча Пушкина с Кюхельбекером».

После демобилизации из армии Сергей Алексеевич вернулся к творчеству и одновременно начал преподавательскую деятельность в Высшем художественно-промышленном училище им В.И. Мухомой. Более 20 лет возглавлял кафедру рисунка.

Знакомясь с работами Петрова, получаешь удовольствие, которое можно испытать от соприкосновения с настоящим искусством. Особенностью его творчества является блестящее владение техникой пастели. Сергей Алексеевич был одним из лучших отечественных специалистов в этой технике, работая в разных жанрах – портрете, пейзаже, натюрморте.

Произведения С.А. Петрова находятся в Государственном Русском музее, Третьяковской Галерее, Санкт-Петербургском театральном музее, Кемеровском областном музее изобразительного искусства, в музеях Козьмодемьянска, Ельца, собраниях Москвы и Петербурга.

Биографическая справка:

1 октября 1911 года. Родился в Ельце Орловской губернии.
1929-1932. Обучение в художественно-промышленном техникуме в Ленинграде.

1932-1939. Обучение в институте живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств.

1939-1945. Служба в Красной Армии.

1946-1977. Преподавательская работа в училище им. В.И. Мухомой.

1964. Персональная выставка в музее ЛВХПУ им. В.И. Мухомой.

1972. Присуждение звания Заслуженный работник культуры РСФСР.

12 октября 1977 г. Скончался в Ленинграде.

1979. Персональная выставка в залах Ленинградской организации Союза художников РСФСР.

Литература:

- Афанасьева З. Картина давней встречи...// За коммунизм-1986-14 августа-с.3-4.
- Афанасьева З. Приехав на станцию Залазы...// За коммунизм-1989-22 июля.
- Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге.-Л.,1982.
- Герасимова Л. И был здесь камень положен // Струги-1999-9 июня.
- Гессен А. «Всё волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей.-М.: Худлит.,1983, с.186,197.
- Глазунов С. «Для большей безопасности» // Родина-2001-№12.
- Горди Я. Мятёж реформаторов: 14 декабря 1825 года.-Л.,1989.
- Домик станционного смотрителя. Музей дорожного быта начала 19 века.-Л.,1974.
- Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники.Т.1.-М.: Правда, 1986,с.223-262.
- Ефимова А., Ефимова Л. Залазы-Павы. // Псковская правда-1973-17 июля.
- Игнатъев В. Встреча в Залазах// За коммунизм-1986-31 мая.
- Коржов С.Н. Новое о встрече Пушкина и В.К. Кюхельбекера на почтовой станции Залазы// Временник Пушкинской комиссии. Вып.22.-Л.: Наука, 1988.-с.72-82.
- Лавров А. По дороге Новоселье-Боровичи // За коммунизм-1979-30 января.
- Невелев Г.А. «Истина сильнее царя...» (А.С.Пушкин в работе над историей декабристов).-М.: Мысль, 1985, с.67,126-128.
- «Пушкин в портретах и иллюстрациях»: Пособие для учителей средней школы.- Л.,1951.
- Павлова Л.Я. Декабристы – участники войны 1805-1814 гг.-М.: Наука, 1979, с.110.
- Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным.- Л.,1976, с.60-95.
- Телемаков В.С. Возрождение красоты. - Л.,1972.
- Тынянов Ю. Кюхля.-М.: Сов. Россия, 1975.-с.397-404,437.

- Тропа к Пушкину/Боголепов П., Верховская Н., Соснинская М.-М.: Детлит.,1974,-с.45.
- Шубин В.Ф. Поэты пушкинского Петербурга.-Л.,1985, с.14-32.

Сайты:

- www.piter-art.com
- www.istrodina.com

СТИХИ О РОДНОМ КРАЕ

Родина моя

Афанасьев Е.М.

Нет в мире мне этих дорожек
 Озёрных лесов и полей.
 В них дышит глубже и строже,
 И небо над ними светлей.
 Здесь таинством светятся дали,
 И мудрость на каждом шагу.
 Мне счастье края эти дали –
 К ним в сердце любви берегу.
 Здесь черпаю силы всегда я,
 О том утверждать я берусь,
 Отсюда берётся седая,
 Святая советская Русь.

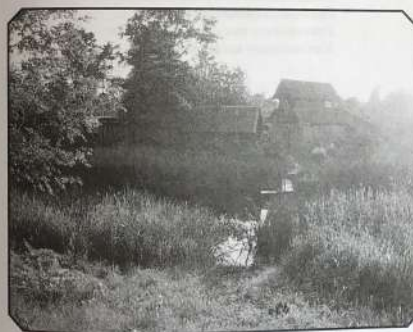
Стружаночка

Над посёлком синь, без края,
Сосен древний разговор...
Как берёзка молодая,
Ты живёшь среди озёр.
На твои девичьи щёки
С неба зоренька сошла
И в подарок ясноюкой
Две звезды преподнесла.
Вот ведь ты у нас какая
Зоренька-заряночка!
Синеглазая такая,
Милая стружаночка!
Привлекательны волжанки,
Только к ним не по пути.
Для меня милей стружанки
В целом свете не найти.
А случится повстречаться,
Оробею и стою:
Не могу налюбоваться
На стружаночку мою!
Вот ведь ты у нас какая
Зоренька-заряночка!
Синеглазая такая,
Славная стружаночка!
Мастерица у станка ты,
Королевой выйдешь в пляс!
Привезайте к нам, ребята,
Ох, и девушки у нас!
Чернобровы себежанки
И псковячки им подстать,
Но чудеснее стружанки
Ни за что не отыскать!
Вот ведь ты у нас какая
Зоренька-заряночка!
Синеглазая такая
Гордая стружаночка!

Белокуров Ю.

Нет другого в мире уголка

Поселок мал, красив и мил,
Два озера, окутанные милою,
А из вслких здесь никто не жил...
О, Родина! Побудь часок со мною!
В твоих лесах на краешке реки
Я испытал счастливые минуты,
А дождь не смыл на берегу следы,
Оставленные мною до разлуки...
Старушки на скамеечке сидят,
Из клуба музыка становится слышнее...
Старушки на внучат своих глядят,
О молодости чуточку жалея,
По небу проплывают облака,
Накроет Струти снегом или градом,
Но нет другого в мире уголка,
Я за который жизнь отдал бы даром.

Запелова А.М.

Струтокрасненский вальс

Есть на древней и милой Псковщине,
В доброй сказочной стороне,
Струги Красные, Струги Красные,
Что навек полюбились мне.

Выйдешь утром, а по-над озером
Разливается алый свет...
Струги Красные, Струги Красные –
Удивительней места нет!

Пахнет воздух душистой черемухой,
Сосны стройные да песок.
Струги Красные, Струги Красные –
Замечательный городок!

Там стружане живут и трудятся,
И бедуют, как вся страна,
Но уверены, счастье сбудется,
Будут лучшие времена.

Каждый день поезда на станцию
Прививают со всей страны.
Привезайте к нам в Струги Красные,
Хлебом-солью вас встретим мы.

Хредино

Познакомилась недавно
Я с хорошим пареньком.
Он весёлый, добрый, славный,
С деревенским говорком.
Федя трудится на ферме,
Не скучает никогда.
Говорит, что из деревни
Не уедет никуда.

Хредино, Хредино – деревенька Федина.
Церковь на пригорочке,
Черёмуха да ёлочка.
Хредино, Хредино – деревенька Федина
У Ситин у речки
Разбила мне сердечко.

68

Федю знают все в округе –
Вот такой специалист!
Ну а в клубе на досуге
Он – прекрасный гармонист.
Заиграет на гармошке,
Люди тянутся к нему.
Проложил милый дорожку
Прямо к сердцу моему.

Здесь народ простой и скромный,
Не обидит никого.
В дни веселья неуёмный,
В горе все за одного.
Очень нравится деревня
И мамаша Федина.
Ой, придётся мне, поверю,
Переехать в Хредино!

На недельку в Цапельку

Устал от работы, устал от забот,
В душе поселилась тревога.
Опять меня манит, волнует, зовёт
Знакомая с детства дорога.

Мне всё надоело!
Всё так надоело!
Уеду, хотя б на недельку,
В деревню большую,
В деревню простую
С красивым названием Цапелька.

Кебь-речка течёт. В ней жин и плотва,
А в заводях водится щука.
Я буду ходить на рыбалку с утра.
Прощайте, тревога и скука!

Надеюсь, что сбудется скоро мечта:
Я снова увижусь с друзьями,
И в лес несказанной живой красоты
Мы вместе пойдём за грибами.

Как всё надоело! И хочется так
Мне в сельскую жизнь окунуться!
А если соскучусь, поеду на большак,
Чтоб в город скорее вернуться.

69

森林

Я сегодня встала на рассвете,
Красота, раздолье, тень да гладь...
Неужели есть ещё на свете
Где-нибудь такая благодать!?

Сосны в небо поднимают шапки
В гордой величавости своей.
По земле разбросаны охапки
Пуха от цветущих тополей.

Светит солнце ярко, всем на диво,
Расплескав лучи свои слезой.
А крутом так тихо, так красиво,
Будто перед летнею грозой.

Мокрой тряпкой вдруг повисла туча,
Но об этом незачем тужить.
После летних гроз природа лучше,
И свежей, и радостнее жить.

Громче птиц торжественное пенье,
Звонче голос быстрого ручья:
У природы снова обновление,
Жизнь вернулась на круги своя.

Из истории Красных Струг

Есть в стране района разные
и посёлков миллион.
Мне милее Струги Красные,
Стругокрасненский район.
Здесь природа распрекрасная,
неба синь, озёр краса,
поднялись до неба ясного
корабельные леса.

Кто не знает князя Невского?!
Знают все – и стар, и мал.
Был он немцев, войско шведское,
в Псков, слышали, приезжал.
В самом деле, как окажется,
князь и в Стругах побывал,
в деревеньках Шир и Княжицы
он дружину собирал.

На Неве, на бреге Ладожском
Пётр надумал строить флот:
молодой России надобен
свой на Балтике оплот.
И по рекам диками, ночками
для постройки знатных струг
лес, канаты, скобы, точиво
отправляли в Петербург.

Деды-прадеды прославили
Струги в битвах и труде,
память добрую оставили
у народа о себе.
Кровью пролитую связаны –
нас водою не разлить.
Жизнью мы своей обязаны
эту память сохранить!

Иванова В.И.

Струги Красные

Зачем уезжают куда-то
Чужие красоты смотреть?
Подчас вы не знаете сами,
Какие красоты на родине есть!
Как прекрасен этот мир!
Посмотри вокруг себя.
Наши Стругские места
Ты полюбишь навсегда.

Утром ранним солнышко
Облещает нежно всех.
Хоть подчас ты «Золушка»,
Но полно утех.

В небе белы тучки бродят,
Как девчата в поле ходят.
Кудри пыльные распустили,
Локон в море утопили.

Когда солнышко садится,
Посмотри, какой закат!
Расцветает всеми красками
Небосвод, как водопад.

Подойди к ночному озеру,
Тайны здесь вокруг.
Это сказки Гоголя
Раскрываются тут вдруг.

В черном омуте воды
Отраится серп луны.
На краю, на бортике
Притаились чертики.

Днём у крошки Песчаного
Сосны в ряд вокруг стоят,
Смотрятся, как в зеркало,
Отражая свой наряд.

Сто озер в районе нашем,
И одно другого краше.
А Маковский в озере Щирском
Русалок видел в чешуе с хвостом.

Но вот нагрянет тучка,
Гром вдруг загремит.
Распыхом молния небо расчертит,
И повторный грохот снова пролетит.

Но вот растения все умались,
Солнце светит через ели.
И букашки оживились,
Все листочки заблестели.

Паутинку-неженку паучок соткал,
Мелкие росиночки ветерок убрал.
Бабочки-красавицы загорхали ввысь,
А жучок в горошинку на цветке повис.

Вот там за ветками у ели
Гроздь брусники незримо поспели,
Здесь на притопке рябины кусты
С рыжками прядями – сильно вкусны.

Посмотри! Грибочки в ряд
В красных шапочках стоят.
Одев шляпки набекрень,
Беляки вросли под пень.

Тут полянка покрыта ковром,
Ярких цветов миллионы на нем:
Желтые, красные, синие – днем
Окружено это чудо журчащим ручьем.
Легкий востер тебя облещает,
И голова не подучит «удар»,
Солнышко ласково нас обогрест,
Сделает очень красивый загар.

Захочешь к богу обратиться –
В районе множество святых,
Целебные источники повсюду
И даже женский монастырь.
Для экскурсий очень годится,
Только сам ты не ленись,
Прошмарившись по Стругам Красным
И к красотам приглядишься.

Струги Красные, вечно прекрасные!
В речке Курья рыба паркая!
Люта – речка тоже есть,
Раков крупных там не счесть.
А леса, поля и реки
Украшают весь узор.
Зеленеют наши травы
И ласкают нежно взор.

Ох, Струги вы Струги! Всегда вы красивы!
Всем сердцем ты их полюби.
Сделай немного своими руками
Для процветания любимой земли!

Сколько можно

Мой край – родимая сторонка!
В нём есть просторы, реки и леса.
Здесь люди жили, строили, трудились
И сколько раз творили чудеса.
Хлеб сеяли, сажали корнеплоды, лён,
Детей родили и растили.
Ведь сколько было уважаемых имён,
Но пронеслась война – и их убили.
Остались дети, вдовы, матеря,
Они не подвели своих погибших.
И вновь засеяли поля,
Дома построили на камешках оставших.
А в поле песни зазвучали,
И звуки трактора вестили хлеб,
Здесь свадьбы частыми уж стали
И раздавался детский смех.
И лишь счастьем озарились,
Настала мирная пора.
Любовь, достаток вопарились,
И все решили – навсегда.
Но «выше там» перенрали,
Решили лучше сделать, чем сейчас.
Но вот у нас «родимая сторонка»
Нипшаёт с каждым годом, каждый час.
Погибли фермы, фабрики, заводы,
Засохли, забурыжили поля,
Леса повырубили, стигнули породы,
Как-будто снова пронеслась война.
Пропшумели и эти невзгоды,
Вот только снова лучше стало жить.
Опять споткнулись на несчастье –
Ведь надо КРИЗИС пережить.
Сколько ж можно глумиться над нами?
Сколько страшилок будет ещё впереди?
Молодёжь! Позаботьтесь уж сами –
«Край наш» должен когда-то цвести!
Не губите вы всё, не губите!
Ведь вас просит родная Земля!
Не забудьте вы всё, не забудьте!
К вам зывает родная Страна!

Край мой родной

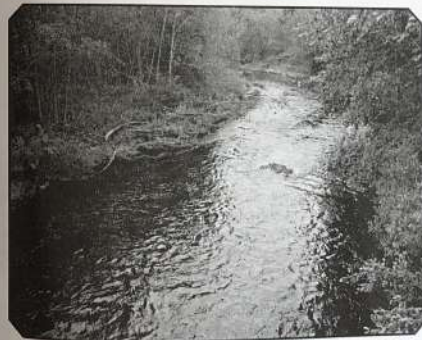
Калосов А.

В бездне неба скрылись звезды турты,
И шагнуло солнце по планете....
Отчий край мой, как чудесен....
Раннее порою, на рассвете ты
А давно ль ты был совсем иной?
В сером пепле, в пламени, в разрухе,
Только не поник ты головой
И не опустил от горя руки.
Сколько бед ты вынес на плечах!
Сколько смертоносной видел стали!
Кровь твоих сынов лилась в боях,
Чтоб потомки счастье увидали.
Я горжусь, что у твоих берез,
Под бескрайней синью небосвода
Я родился, и мужал, и рос,
И познал и радость, и невзгоды.
Твой простор открыт передо мной,
И на ширь твою не посмотреться.
От меня прими поклон земной
И слова, идущие от сердца!

Когда я с поезда схожу
 И взор свой на вокзал бросаю,
 Я как бы издали смотрю
 И то, что было, вспоминаю.
 Здесь школа до войны была,
 Мы в ней два года обучались,
 И со второго этажа
 Мы по перилам вниз катались.
 Уже курили мы тогда
 И поджигалкой баловались,
 Но чтоб не пахло табаком,
 Сен-сеном губы натерались.
 На куреве где деньги взять?
 Галопи, кости собирали,
 В утиль-сырье их шли славать
 И в лобноку мы играли.
 Кино любили мы смотреть,
 Бесплатно нас не пропускали.
 Снаружи через туалет
 В кино мы «зайдем» проникали.
 Весной в лапту играли мы,
 И в шандор, в чижика играли,
 Сражались в рюхи-городки
 И прятались на сеновале.
 На лыжах мечим вперегонки,
 Липь ветра свист в ушанке,
 И на Великой, на Южанке
 Остались наши синяки.
 В ширельно залянешь,
 Коль время придет,
 Там — Хова Наумыч,
 Он вас и подстрижет.
 Где узел связи был тогда,
 Сейчас стоит аптека.
 Народ толпился здесь всегда,
 Привычным было это.
 Вель рядом на столбе висел
 Большой репродуктор,
 Чудесный голос песни пел
 В то памятное утро.
 И день чудесный был тогда,
 И люди отдыхали,
 И не забудут никогда
 Того, что услышали...
 И с высоты прожитых лет
 Я в это прошлое гляжу,
 И сердце радостно шепчет,
 Когда я с поезда схожу.

Уезжаю я скоро
 Из деревни родной.
 Уезжаю я в город —
 Незнакомый, чужой.
 А шадоло ли еду? —
 В сердце девичьем грусть.
 Я, быть может, в деревню
 Никогда не вернусь...
 И заплачут снежинки,
 Затоскуют глаза,
 Закачаются лодинки.
 Усмехнется звезда.
 Посмотрю я на небо,
 Улыбнусь той звезде,
 Заскучу по дому,
 Загрущу по тебе.
 Только где я ни буду,
 Сквозь мороз и стужу
 Я домой, как на крыльях,
 Все равно прилечу.

Лудони, милые Лудони,
Деревня русская моя.
Свою судьбу, как две ладони,
С тобой соединила я.
Здесь жизнь моя прошла как в песне,
У всех живущих на виду.
Здесь я нашла, все что искала,
И свой земной приют найду.
Люблю твоих полей раздолье,
В них сердце вложено мое.
Здесь мне все дорого до боли
И даже серое живье.
Люблю смотреть я на деревню,
Когда кругом горят огни.
С той высоты, могилы братской,
Когда мы с мертвыми одни.
Там, где был сад когда-то чудный,
Теперь там новые дома.
За этот срок с деревней вместе
Я изменилась и сама.
Склоняя голову седую
Пред величавостью ее,
И отдаю без сожаленья
Я сердце хрупкое свое.

Опустела изба, что стоит на отшибе,
Заколочены окна, покосился плетень,
Только ивы кудрявые – верные стражи,
Здесь стоят на посту ночь и день.
Где когда-то ступала нога человека,
Там теперь запустенье, на поле трава,
Лишь, как память живая о хозяине дома
Лежат в костерочке дрова.
И колодец, и баня ненужными стали,
Что служили хозяйну так много лет,
Наливаются яблоки соком зеленым,
И клубника цветет, а хозяина нет.
Неужели он немощен стал и бессилён,
Что покинул родной уголок?
И окошки не светятся больше почками,
Из трубы уж не вьется дымок.

Что с тобой случилось, деревенька?
Опустели улицы твои.
Только по весне, как бывало,
Распевают звонко соловьи.
А бывало, в каждом твоём доме
Детские звенели голоса.
Стала ты как древняя старушка
С сединою в черных волосах.
Здесь когда-то церковь красовалась,
Упираясь в небо куполами.
Где все это, куда девалось?
Что же будет в жизни с нами?
Нет и школы, где учились дети,
Где играли целый день в лапту.
Почему так быстро по течению
Все уплыло, словно на плоту,
Разбросала всех судьба по свету,
И живут здесь только старики.
Нет и сада, что когда-то буйно
Цвел на самом берегу реки.
Где же вы, качели-карусели,
Танцплощадка и детский пляс?
Прокрутилось все, как в патефоне,
Замер звук – остановился диск.

Малая родина

Стрелкова В.П.

Ничего не жду я от судьбы,
Моё счастье – здесь, всегда со мною;
Это свет небесной синевы,
Первоцвет, пробившийся весной.
Плеск волны о золотой песок,
Рыжих сосен тихая беседа,
Тёплый ветер, дующий в висок, –
Ни за что отсюда не уеду!

У озера

Жилу в деревне. Домик на горе,
И к озеру протоптана тропинка,
Здесь в полнотуны волны в серебре
И в росных блёстках каждая травинка.
Поют под ветром что-то камыши —
В них утка малышей своих выводит.
И рано утром ни одной души,
Лишь солнце над водою всходит.

Уже ноябрь подходит к декабрю,
Зима давно в свои права вступила.
Ну, как не верить мне календарю,
Каль крепким льдом всё озеро застыло!

Ещё опасно по нему идти —
Тут родники промоины рисуют,
Но их накроют скоро конфетти,
Что невесомо в воздухе танцуют.

Однако сверлят лунки рыбаки —
Вот для кого жизнь не мила без риска!
Ну, ладно б здесь водились судаки,
А то ерши — лишь лёгкий ужин киске!

Затих в дремоте, замирает лес.
Дымок над крышей тоненько струится,
И солнце холодно глядит с небес,
Почти готовое за озеро скатиться.

Наша глушь, далека от столицы,
Здесь кукушка рассвет сторожит,
Родниковой напьётся водица,
Что со звоном хрустальным бежит.

Наши сны касаются неба,
Заломив набебрень облака,
Меж полей золотистого хлеба
В травах росных по пояс луга.
ПРИЕЗЖАЙ!

Щирское озеро

Над головою неба зонт,
Повисла радуга дугою,
И серебрится горизонт,
Летают чайки над водою.

Я уплываю в облака,
Их волны к небу поднимают.
Ни лодки нет, ни рыбака.
В рассветном небе звезды тают.

Я размышляю о судьбе
В белесо-бирюзовом шпете:
В мечтах и мыслях о тебе —
Таким единственным на свете!

Легенда о Стругах

Прапрадед, собрав по округе
Умельцев, артель сколотил;
Как храм, помолясь, возводил
Точёные белые струги.

Их небо на труд вдохновляло,
И птицей взлетало весло,
И «чадом» гордились село,
Когда в дальний путь провожало.

А мастер, поджавшись с моленья,
В ладони со смаком плевал,
С фантазией струг затевал
Себе самому в удивленье.

Так с давних времён и пошло —
Мои земляки это знают:
Стружанами нас называют
За древнее то ремесло!

СЛОВО ОБ АВТОРАХ:

- Иванов Михаил Федорович – родился 9 января 1924 года. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Родился в деревне Жуковичи Струго-Красненского района. Окончил восемь классов Молодецкой неполной средней школы. В 1940 году поступил в Новгородский автодорожный техникум, но с началом Великой Отечественной войны (1941-45) вернулся в семью отца. Во время оккупации Псковщины немецко-фашистскими войсками помогал советским десантникам и партизанам. С февраля 1944 года находился в 46-й Луужской ордена Суворова 3-й степени стрелковой дивизии. Пройшел боевой путь от Невы до Эльбы. Окончил Псковский государственный педагогический институт имени С.М. Кирова. Работал преподавателем в Молодецкой школе Струго-Красненского района. В 1966 году переехал в город Псков. Работал преподавателем в Псковском сельскохозяйственном техникуме. С 1988 года на пенсии. Награжден орденами Славы 3-й степени, Отечественной войны 3-й степени и медалями.
- Иванова Инна Евгеньевна – родилась 29 мая 1963 года в п. Струги Красные. Закончила Струго-Красненскую среднюю школу, затем Псковское КПУ. Работает методистом МУ «Струго-Красненская центральная районная библиотека».
- Константинова Валентина Павловна – родилась в 1951 году. Образование среднее специальное, закончила Ленинградский библиотечный техникум. Является основателем и организатором районного краеведческого музея.
- Фёдоров Андрей Иванович – родился 28 мая 1964 года в п. Струги Красные. Закончил Струго-Красненскую среднюю школу. Работает столовым в ООО «Сервисстройлес». Командир группы «Поиск».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фёдоров А.И.</i> «Братское захоронение в деревне Остров».....	3
<i>Иванов М.Ф.</i> «Они освобождали Струги Красные»	8
<i>Константинова В.П.</i> «Свято-Троицкий Творожковский женский монастырь»	42
<i>Иванова И.Е.</i> «Станция Залазы. 14 октября 1827 года».....	48
Стихи о родном крае	65

**Благодарим авторов альманаха
за бескорыстное
предоставление своих работ!**

*Приглашаем
к сотрудничеству!*

Обратиться с идеями и отзывами:
п. Струги Красные,
ул. Победы, д. 2-в
Центральная районная библиотека
Методический кабинет
Телефон: 52-676
Электронная почта: skbook@pschta.ru

Автор идеи и составитель: Иванова И.Е.

Распространяется по библиотекам
МУ «Струго-Красненская центральная районная
библиотека» и ОУНБ.

Компьютерная верстка: Н.Г. Богачева.
Корректор: Т.П. Шляхтова.

Подписано в печать 22.07.2009.
Бумага офсетная. Формат 60X90/8. Усл. печ. л. 10,5.
Гарнитура Times New Roman.
Тираж 100 экз. Заказ № 282.

Отпечатано в типографии АНО «ЛОГОС»,
180004, г. Псков, Октябрьский пр., 50; тел. 79-37-23.

Новая литература

О времени и о себе... Струго-Красненская средняя школа 1898-2008 год.-Псков: Логос, 2008.-72с.: ил.
Книга вышла к 110 годовщине Струго-Красненской средней школы. В ней освещены: педагогический коллектив и его руководители, известные выпускники школы, школа сегодня и поэтическая страничка.

Наш край: Литературно-краеведческий альманах.-Псков: Логос, 2008, №1.-64 с.
Вошли: «История братской могилы на улице Жертв Революции», «Никольский источник как памятник истории, природы и культуры Струго-Красненского края», рассказы-воспоминания о М.Пришвине и поэзия Эюзина Н.Т. и Григорьева И.

Иванов М.Ф. О ком звонят колокола?-Псков: Логос, 2008.-304 с.:ил.
В книге представлен богатый документальный, текстовый и иллюстративный материал, рассказывающий о страницах партизанского движения на Струго-Красненской земле и в целом на Псковщине.

Стрелкова В. Ожидание встречи: Стихотворения.-Псков, 2009.-150 с.
Это вторая книга стихотворений Стрелковой В. Она привлекает искренностью интонации, лиричностью, душевной открытостью автора.

